

Причины и следствия моего Я

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сотников Игорь

Игорь Сотников

Причины и следствия моего Я

«Автор»

2017

Сотников И.

Причины и следствия моего Я / И. Сотников — «Автор», 2017

У каждого свои рецепты, как унять боль своей утраты. Кто-то пытается отстраниться, ну а кто-то наоборот с головой погружается в неё. Но какой путь наиболее верный? Пытается для себя найти ответ на этот вопрос стоящий у окна герой. Но разве у жизни и ещё у кое-кого, не может возникнуть своих вопросов к нему? Возможно...

Игорь Сотников

Причины и следствия моего Я

Глава 1

Восклицательная глава

Она, трижды для него бывшая (любовь, смысл жизни и жена), умела в двух словах очень чётко, программно объяснить дальнейшее развитие их отношений, и на его вопрос: «Ну и как дальше будем жить?», – последовал её не требующий дополнения ответ:

– Алиментарно, Шурик.

После чего она, бросив на него последний безрадостный для него взгляд, разворачивается и, оставив его в недоумении, такая красивая сволочь, не спеша удаляется в свой, уже не связанный с ним путь.

– Но я не Шурик! – Спустя удаляющееся мгновение звука хода её ног, до него наконец-то, доходит понимание того, что же его всё-таки так подспудно напрягло в этих сказанных ею двух словах, что вызывает в нём полный недоумения, с нотками истеричного визга выкрик.

– А разве это для меня сейчас имеет хоть какое-то значение, Вася? – В такт её цоканья каблучков, до него (да какого опять к чёрту Васи) доносится эта ведущая к безнадёжности его будущего, ошеломляющая сознание правда.

– А как же наша клятва о вечной любви на мосту влюбленных, где мы с тобой повесили замок, а ключи от него, в знак вечности и нерушимости любви выбросили в реку? – Он в сердцах пытается давить на присутствующую приземленность, закрепившую их небесные отношения. Ну а разве он забыл о том, что когда замки теряют свои ключи, то в случае необходимости на смену им приходят свои отмычки, решающие эту проблему скрепления связей.

– Если ты не заметил, то я тебе подскажу. Я свой замок от сердца уже давно поменяла на кодовый. – Ветер доносит до него свою ответную приземленность.

– Но... – Пытается что-то вспомнить Он, но до него доносится своё, Но-воспоминание.

– Совет да любовь! – Так и шумит в его ушах это свадебное напутствие, которое и стало тем камнем преткновения, разбившим через этот совет или вернее советы всяких советчиков, их любовь. А ведь он знал же тот самый главный жизненный совет: никогда не слушай советов. И что толку. А как говорится, ничего так легко не даётся как эти советы, которыми на этом первом своём совместном жизненном пути, так слишком обильно посыпали этот их путь. Где Он в своём подходе с начала к ней, а следом в их взаимоотношениях, руководствовался только одним напутственным советом бывалого знатока, который, не смотря на свою бывалость, почему-то так и ведёт отшельнический образ жизни в одиночестве, что, наверное, и есть тот носимый крест всех истинных советчиков.

– Надо уметь так преклонить колени перед ней, чтобы в этом твоём действии не было видно капитуляционной покорности, а это значит, показать ей свою макушку головы так, чтобы не было видно твоего тыла, затылка – отдаёт совет советчик, – и лишь тогда ты сможешь сохранить баланс ваших взаимоотношений, где твоя сила будет одновременно находиться у неё в услужении и уважаться ею.

И вот Она, как особа явно имеющая свою полётную связь с небесами (все ангелы небесной красоты находятся в этой родственной связи), не смогла остановиться на чём-то одном, и поэтому слишком зациклилась на этом перебирании советами, что, в конце концов, и вылилось в свой залётный перебор.

А ведь советчики – это такая субъективная масса, которая по своей наглости и нахрапистости, наверное, не знает себе равных. И не успели вы, споткнувшись на улице, после своего

падения на землю даже привстать, как они тут как тут, спеша вас наградить своим искренним советом: «Вам надо быть более внимательным на дороге».

– Да я, чёрт возьми, знаю это и без вас, – рычит Он, правда про себя. Ведь когда тебе добра желают, будет невежливо посылать очень далеко это добродушие, и как говорят, от добра добра не ищут (или эта поговорка подходит для другого случая?). Ну, в общем, постепенно Она, как особа очень участливая в такой полной советов жизни, впитав в себя эту её тенденциозность, взяла и перенесла всю свою такую качественность бытия, уже вовнутрь их общей семейной обитованности. Где теперь только и были императивно слышны её советы ему: «Это не делай, а это делай именно вот так; туда смотри, а туда даже не думай... А я сказала, быть по-моему, и точка! Понял, Гамлет затрапезный?». – На что от него следовало... Нет, не молчание, которое могло бы быть воспринято как акт его немого неповиновения, а невнятный защитный лепет, утверждающий, что она не так его поняла.

– Он тряпка! – ему вдруг вспомнился этот её отзыв кому-то там по телефону, и он, имеющий на всё своё покорное мнение, не придав большого значения этой констатации чьего-то (как оказывается его) факта, не стал прислушиваться (уже усвоил, что плыть по течению будет комфортней и безопасней) к звучащим интонациям её голоса. А ведь надо было. Ведь кто как не они, большие знатоки трикотажа, умеют так чётко воочию разбираться во всех родах этих тряпок.

И кто знает, насколько бы далеко зашли эти их супружеские взаимоотношения, прошедшие даже стадию рождения одного ребенка (естественно женской наружности), если бы её уровень, как и следовало ожидать от природы не только действенной, но и имеющей ангельский вид, не перешёл из количественного фактора в своё качество. Чему, как и следовало ожидать стороннему наблюдателю, но только не самим близко заинтересованным лицам, посодействовали эти, или, вернее сказать, содействовал советчик, относящийся к тем натурам, которые используют советы по полной программе, в которой первостепенное место занимают его личное я. В общем, это был не просто какой-то советчик-любитель, которому надо было лишь почесав языком (это его конечная цель), тем самым указать на своё ходячее мнение. А это был уже можно сказать, профессионал своего советливого дела, где все его советы служат лишь только одному, его целевому делу, в осуществлении которого ему категорически не нужны ничьи советы.

Вот так и получилось, что Она оказалась в сфере влияния такого советчика, имеющего, в отличие от него, своё должностное влияние, статус и все сопутствующие высокому положению вещи, в обаяние которых и попала Она. После чего между ними всё окончательно и было разрушено. Нет, Он конечно попытался что-то предпринять. Но всё же уже было поздно. И на свои безуспешные попытки что-то предпринять, он получил от неё свой, как всегда очень великолепный и не короткий, а краткий (разница очень огромная) ответ: «Теперь уже нам не быть. Теперь уж гамлетствуй, как твоей душе угодно!»

– Кто? – впервые за время их совместной жизни Он сорвался на крик.

– А разве это имеет хоть какое-то значение? – Сверху вниз Она удивленно посмотрела на него, вдруг и не вдруг ставшего для неё каким-то жалко-неприятным, после этого неуместного для неё, но не для него вопроса.

– Имеет! – Закричал уходящей ей вслед Он, чья истерика отчаяния не знает для себя никаких достоинств, через которые бы она не смогла переступить и опустить его в самый низ, на самое дно. Но кто же этот таинственный советчик, о котором Он имел свои только предположения. О котором после её ухода, уже, наверное, не имело смысла что-либо знать, но человек такая запасливая натура (кто знает, может в следующий раз данная информация позволит избежать таких для себя недоразумений, в общем, ваша природа для своей выживаемости требует любых знаний), которая непременно хочет быть в курсе всех причин, которые влияют на тот или иной ход событий.

Но пока что у него были одни предположения. А раз так, то Он решил взять на вооружение имя из современной популярной сказки и назвать его просто «козёл». Но пока у него текли слёзы больше из сердца чем из глаз, одна ненавязчивая мысль всё же посетила его, заставив узреть то, чего он, занятый только своей болью, до этого не замечал.

– А может? – Ошарашенный этой мыслью, Он не смог удержать в себе этот страшный для себя вопрос. – Нет, не может быть. – Он всё-таки попытался противодействовать словесностью той накрывшей его правде, которая всё больше окатывала его своим, так горячо всеми любимым холодным душем, в каждой капельке которого явно отражалась та неумолимая истина, говорившая ему, что все эти советы и даже тот неуловимый советчик, это совсем не причина, а всего лишь следствие её нелюбви к нему.

– Не может быть! – Его крик отчаяния потряс квартиру, вернув его обратно на улицу, всё также одиноко смотрящего глубоко в себя.

– И что теперь? Конец света или, вернее сказать, моего света. – Промямлив, Он рефлекторно почувствовал головокружение и слабость в ногах, посмотрел по сторонам в поисках подходящей для того чтобы присесть лавочки. Но, не обнаружив её, из-за невозможности получить необходимое в самый требуемый для себя момент, в сердцах махнул рукой на это существующее должное. После чего Он тут же на тротуаре бухнулся на колени в позу потерявшегося в этом мире безнадеги и, свесив вниз голову, закрыл свои глаза и представил этот свой конец света. Хотя возможно, его падение в этот самый низ на колени, было всего лишь актом его воображения, что для него было совершенно не важно, когда он находился в самой своей глубокой впадине. – Интересно, почему самое глубокое место на земле называется многозначительным, ведущим чёрт знает куда, словом впадина, а не какой-нибудь просто ямой? – задался Он первым вопросом.

– А что, собственно, это такое – этот конец света? – Залетевшей мыслью воззрился в себя Он, видевший себя через это «Я». – А ведь желание знать точную дату прихода конца света, наверное, не мучило разве что только очень занятых и озабоченных (?) собой людей. Что, в общем-то, интересно и мне, хоть и не знающему этого, но при этом имеющему свои должные основания предполагать. И вот в этом моём предположении хотелось бы спросить: а не задавался ли кто ещё этим вопросом: «Почему же то или иное глобальное событие, пришлось если не на него, то, к примеру, вон на того, кто рядом с тобой или же наоборот совсем далеко стоит?». Ну, а те же мировые войны, эти предвестники конца света, почему они пришлись именно на то или иное поколение, которое характеризуется присущей ему степенью развития своего среднестатистического умственного сознания. И не в этом ли есть ответ на эту сказуемость конца света, который именно и формируется от совокупности сознания людей, живущих в тот или иной период жизни, и который в соответствии с этими общими представлениями и выливается в определенную этим сознанием концовку? А может быть наше сознание в дальнейшем перерастет себя, и уже конец света будет значить нечто другое, чего мы и помыслить на нашем уровне развития не можем?

– Так что всего вероятней, нам его ещё придётся долго ждать. Уж слишком мы мелки для настоящего конца света, как некоего перехода в совсем другое сознание. Ну а пока нас ждут свои промежуточные, так сказать, частные концы своего света... – Как оказывается, очень своеобразно думается, вот так стоя на коленях прямо по середине улицы, по которой туда-сюда снуют различные, как спешащие так и не очень люди. Которые завидев на своём пути эту усевшуюся на колени странность, скорее всего сбиваются со своей очень умной мысли и, отпрянув от этой дорожной неожиданности, не скрывая удивленного выражения своего лица, наклонив голову в бок, внимательно посмотрят на него, и убедившись в чём-то своём, покрутят мысленно у виска свой палец. И опять, уже правда после того как убедятся в том, что сверху как будто никакой там метеорит не падает, что-то там решив, уже наполненные своей самоуверенностью в крепости бытия этого мира, отправятся дальше.

Но надо заметить, что не все прохожие испытывали такую деликатность обхождения с ним, присевшим (или как истукан, стоящим на одном месте) на тротуаре. И тот, кто как раз испытывал озабоченность на счёт деликатного обхождения только на свой счёт, то тот как раз не отличался подобной взаимностью и, не видя никого на своём пути, своим ходом напролом, давал свой определенный собой повод для этой челюстно-сохранной обходительности для всех его временно, по ходу пути окружающих людей.

– Чё уселся, придурок?! – Грубый толчок в спину ему и по его сознанию, который осуществил явно не смотрящий себе под ноги нервный тип а-ля «мне всё похер на все эти ваши стенания о конце света», очень красноречиво это его Я спросил.

– Я тебе сейчас покажу, придурка...

Гашетка печатной машинки хотела было остановиться на месте, но в виду того, что на её месте находилась ставшая уже обычной повседневностью для разного рода гениальных писак клавиатура ноутбука, то это всё и решило за неё. Ну а этот завершающий звук при нажатии на завершающую строку точку, хоть и был не столь звучен в сравнении со всей той ундервудевской механикой, но, тем не менее, для автора, отбивавшего на клавиатуре все эти свои, однозначно замысловатые мысли в их выразительные отождествления, выражения и слова – это всё каждый раз звучало весьма существенно, а иногда даже и с грохотом пушек громко.

– Вот, как-то так! – Выдавив точку на клавиатуре, громко выдохнул из себя это восклицание Алекс (это псевдонимная интерпретация имени Алексей, что говорит о его не слишком большом воображительном потенциале, и, следовательно, в своём творчестве, он, скорее всего, будет полагаться на свою придирчивую внимательность). После чего почесал свой нос, который, паразит такой, при каждом выразительном, а также волнительном, ну и плюс ко всему, драматическом, в общем, в каждом задумчивом случае вечно зудит и опять задумался.

Ну а как Алекс замечал за собой, что, наверное, есть результат его слишком большого многодумия о себе и про себя, то он очень даже часто задумывался над своими получающими словесно-письменное оформление мыслями (в отличии от реальной жизни, где язык часто заявлял о своём своеволии, и не спеша ждать этих вечно не торопящихся дум, говорил всё то, что в голову придёт), а это вновь и вновь приводило к этой его чесотке.

Ну а сам этот его с горбинкой нос, всегда слишком чувствительно относился к перипетиям развития сюжетной линии и почему-то считал себя за умеющего держаться по ветру. Ну и как результат всего этого поветрия, он, чувствуя к себе нескончаемый зуд, в постоянстве требовал от Алекса дополнительных физических трат на это своё чесание. Ну а Алекс, что уж поделает, и отказать не может.

И вот сейчас Алекс, вновь почесав свой нос, на который был потрачен целый аннотационный абзац и, не поворачивая своей головы, спросил того, кто, по его мнению, находился зади него, возлежа на диване. – Ну и что ты насчёт всего этого думаешь?

А ведь там никого не было кроме пушистого кота Мурзика, который не то чтобы благоговейно лежал и слушал своего хозяина, от которого, надо заметить, зависит налитость его миски молока, а он, судя по его холёной морде, совершенно зажрался. И, скорее всего, живя одним днём (правда, если забежать слегка вперёд, то можно с полным правом сказать, что этот Мурзик был не столь безрассуден, но об этом будет рассказано в своё время), совершенно игнорировал своего хозяина, чей возглас вероятнее всего и относился к этому домашнему беспристрастному слушателю, который, воспользовавшись невнимательностью своего хозяина, прикрыл свои глаза и посапывал в трубочку.

Но, видимо, Алекс был так увлечён всем тем действием, которое с помощью его памятной фантазии развернулось на страницах электронной бумаги, что он не особенно ждал каких-нибудь критических замечаний со стороны своего, надо заметить, очень критически настро-

енного ко всему окружающему, полосатого как тигр друга. И продолжая частично находиться внутри описываемых событий, всё продолжал фрагментарно выражать вслух свою мысль.

– Ну а ты то что про всё это думаешь? – Спустя мгновение, со стороны Алекса в сторону Мурзика прозвучал странный для среднестатистического кота, но вполне обычный для любого творческого человека и его выступающего в качестве творческого элемента домашнего питомца вопрос, с которым он, между прочим, мог бы обратиться к кому бы то ни было, и когда ему пожелалось и вздумалось бы. Ведь автор, находясь в воображаемом мире в роли творца, просто не мог, как-нибудь забывшись, не отвлечься от реалий окружающего мира и, наделив душой эти окружающие его бездуховные объекты материального мира, не обратиться к ним за своей вопросительной поддержкой.

И наверное Алекс, зная неспешную натуру своего кота Мурзика-Мурлыки, а вернее Засони, уже привычно ожидал услышать в ответ красноречивую и саму за себя говорящую тишину. Ну, во-первых, кот мог диванно-глубокомысленно размышлять над ходом развития его истории и поэтому не спешил делать необдуманные выводы, или, во-вторых, Мурзик уже всё обдумал, и пока подбирал нужные слова, которые были бы одновременно не слишком обидно-критичны для него и в тоже время несли в себе конструктивность понимания автором своих ошибок, которые так или иначе всегда встречаются у любого автора.

Но на этот его эмоционально-вопросительный раз, до Алекса вдруг донёлся лексически-звучный ответ. Где ответом Алексу была не та тихая с посапыванием Мурзика тишина, которая сама по себе умиротворяюще ответно действовала на Алекса, а ответом ему был тихий, пробирающий до самой глубины его души, непонятно чей, но в тоже время очень знакомый голос.

– Скажу тебе так. – Сказал некто. – Слишком уж ты пристрастен, и все твои герои несут в себе отражение твоей внутренней неудовлетворенности жизнью. Но и это ещё не всё. И как мне кажется, ты слишком безостановочно последователен в своём авторском изложении, что грозит увести тебя в дебри засюжетности. Ну и плюс ко всему этому, мне кажется, что ты несколько автобиографичен. – Что и говорить, а это прозвучало немислимо дерзко для Алекса. И эта дерзость была сравнима только с борзотой поведения Мурзика. И наверное поэтому, Алекс сразу же заподозрил Мурзика, а не какое-нибудь привидение, в этом высказанном в его адрес критическом замечании (обоснование этому предположению смотри выше).

Но, несмотря на всё это, Алекса всё-таки взволновала существенность заявленного, и он не собирався это вот так просто мимо ушей пропускать. И он, основываясь на своём видении изложенного, заявил в ответ:

– «Он и Она» – баллада моя.

Не страшно нов я.

Страшно то,

Что «Он» – это я,

И то, что «Она» – не моя.

Видимо, глубины души Алекса имеют свои сверх глубоководности, раз тембр высказанного его ответного слова, отдавал такой истерзанностью, которой подверглись выходящие из этих своих глубин и проходящие через фибры его души слова.

– Ну, раз ты для выражения своих мыслей обратился к классикам, то, пожалуй, твои дела обстоят совсем уж плохо. – Владелец голоса, по всей видимости, был не чужд проникательности, раз заметил это подвешенное состояние души Алекса. Что, надо сказать, благотворно подействовало на Алекса, для которого, как и для любого другого, дружеское участие никогда не будет лишним. Что, видимо, опять же не прошло мимо этого участливого незнакомца, который, судя по его дальнейшим действиям, предпочитал не откладывать в долгий ящик недосказанное, и решил прямо заявлять то, о чём он думал и хотел сказать:

– Конечно, у каждого за спиной всегда стоит свой автор, на которого он может в трудную минуту опереться и спросить совета. – Ну а Алекс, несмотря на свой первый авто-поэтический ответ, ещё толком не успел сообразить, как реагировать на этот первый блок высказываний этого незнакомца, а тут вслед за первой партией высказанности, последовала следующая. На что Алекс, так и не успев испугаться такому происшествию, ничего не ответил, а всё продолжал задумчиво смотреть на экран монитора ноутбука.

И тут в голове Алекса на мгновение промелькнула одна кошунственная для его творческого таланта мысль, что, возможно автором этого критицизма на его счёт, был какой-то засланный к нему в мозг лигой критиков (о ней – в своё время), тайный критик-так-три звезды. Где в персональную задачу этого критика входила задача сбить с толку всякого новичка, решившего подвизаться на ниве писательского творчества и, лишив его уверенности в своих силах, заставить этого нового автора забросить подальше все свои мыслимые и немыслимые попытки написать книгу.

Впрочем, зная эту категорию своеобразно мыслящих людей, по большей части мизантропов, скорее нужно было удивляться тому, что они промолчали и не сказали своего веского слова, нежели позволили собственноручно поучаствовать в написании книги даже самому захудалому автору. Для чего собственно ими и была разработана целая система, служащая для того чтобы отбить у вас любое желание написать хоть что-нибудь.

Так, на самых первых ваших творческих порах, когда засевавшая в вас мысль, ища выхода, приводит вас в зависимость от вашей расположенности к письму или печатанию, ну а также, в зависимости от ваших возможностей оснастить свой процесс творчества, – за письменный или компьютерный стол, – где вы уже готовы вынести, пока что только на свой субъективный и далекий от массового потребителя читательский суд новое слово, как уже этот тайный покупатель-критик тут как тут. И не успели вы даже ещё включить ноутбук или достать бумагу, как он уже орёт вам прямо в самый мозг:

– Ты чё, мурло! Хочешь сказать, что можешь сказать новое слово, до которого до тебя на протяжении всего существования человечества, так и не додумались не только лучшие и признанные – слышишь, мурло, признанные! – умы, но и просто гении?! Ну а ты-то кто? И что из себя представляешь? Вечный троечник. Ха-ха! – Гадко смеётся этот острослов. – И что, будешь делиться с читателем оригинальным синтаксисом написания многократных своих ошибок в предложениях, без которых не обходилось ни одно твоё сочинение? Или может быть, решишься поделиться своим просто огромным житейским опытом, правда ограниченным твоими тридцатью годами, проведёнными безвыездно из своего микрорайона? И я надеюсь, что твоя поездка в десятилетнем возрасте с мамой в деревню, не будет тобою положена в основу этого романа, где ты попытаешься описать свой путь становления из деревенщины в столицонера – отдельную цивилизационную, со смартфоном объектную единицу? – Сбивает весь ваш темп и дыхание этот подлый критик, знающий досконально все ваши уязвимые места.

– Я... Это, самое... – Вы делаете попытку вставить своё паразитирующее слово, но тут же получаете ответное словозатыкательное.

– Рот закрой и иди лучше спать! – Критик, видя сомнение в вашей душе, находит нужное посылочное слово. – Или так уж и быть, можешь ещё выпить.

И вы, сбитый и подавленный своей же мыслью, машете на всё рукой (плевать у себя дома вы даже себе не позволяете) и огорчительно возвращаетесь на кухню (как один из близких автору примеров), где, проявляя свою независимость от чужого мнения, на зло этой падле, наливаете себе не одну, а целых две с горочкой рюмки. И они-то спустя своё нахлобучивающее вас время и отправляют вас в иные, более глубокие миры, под стол, где вас уже не сможет потревожить никакой критик, и где из-под вашего пера только за одну ночь выйдет масса небывалых и много очень забываемых (если ты не помнишь, то, значит, и забыть их не можешь,

так что все логично) как для самого творца, так и для имевших своё место в этой квартире домочадцев творений.

Так, в жанре ужасов, время от времени с придыханием им был представлен роман со звучным названием «Жуткий крик из-под стола или преисподней». В жанре триллера им были представлены и продемонстрированы его бесконечные метания по полу, вылившиеся в новую интерпретацию книги «Хождения по мукам». Что касается мелодрамы, то она, как и следовало ожидать, оформилась в свои слюнявые отношения этого засони и его пса, который всю ночь согревал своего хозяина. Ну и для любителей всего таинственного, была заявлена очень впечатляющая умы храповая повесть.

А ведь между тем, на этом первом нахрапистом этапе, этот критик, в тех или иных вариациях сразу же старается бить по вашим рукам. И если вы не столь стойки и, не дай Бог, у вас не найдётся ручки под рукой или же тот же ноутбук, загруженный обещаниями этого подлеца критика, ни с того ни с сего, вдруг неожиданно перестаёт загружаться, то скорее всего, вы завтра поутру (а такие писательские порывы настигают вас почему-то в минуты вашей очень вечерней неустойчивости) сочтёте всю эту вашу вчерашнюю попытку чепухой, не стоящей никакого внимания.

Ну а если всё же это решение идёт из вашего очень глубокого изнутри, которое так просто не сломить техническими препятствиями, и вы, если что, даже готовы на экстремальные методы выражения своего слова – писать на песке, на воде, на заборе, выражать свою мысль ударом в зубы и в другие демонстративные места, что, надо заметить, всегда ведёт к взаимопониманию, – то в этом случае этот однозначно хитроумный критик, в тот момент когда вы, заняв письменный стол, вот уже готовы озарить мир новым словом, делает ещё одну дерзновенную попытку:

– Значит, ты всё-таки решил не внимать голосу благоразумия и пойти по этому, – запомни, – самому неизведанному пути?! – Критик пугающе завывает в ухе.

– Да, решил. – Голос нового автора твёрд и крепок как никогда.

– Так может, ты особого о себе мнения. Где все эти классики от литературы лучше бы пошли поиграть в классики, чем оспаривали твоё право на своё именное слово или вообще на свой авторский стиль?! Ну а сам Достоевский против тебя – всего лишь тварь дрожащая?! А думы Толстого со своим многотомием – слишком легкомысленны и вызывают лишь усмешку в тебе?! – Этот критик – тот ещё гад и демагог, раз использует этот доказательный демагогический приём – отсыл к авторитетам. Но автора этим ловким ходом не проймешь, и он только укрепляется в своей решимости действовать, как того сам хочет.

– А я таким и должен быть! – Полный ярости, бросит в лицо критика своё «Я» автор. – Я, я, я, и только я! Только этим должен руководствоваться всякий встающий на свой путь будущий творец. И уже позже возможны отступы для таланта, но не для гения, где ваше «я» будет стоять рядом или же... Нет, только рядом с тем же Моцартом. Вот, блин, оговорился. Но, в общем, ты понял. – Сверкнёт глазами автор и набьёт или напишет предварительно-окончательный заголовок.

– Ну-ну. – Только и прошипит заткнутый на время критик.

– Что ну-ну? – Автор, как и любой другой находящийся в процессе, конечно же не любит, когда ему говорят под руку. И он, дабы окончательно заткнуть рот этой сующей свой длинный нос туда, куда его не просят субстанции, обрушивает на него своё окончательное итоговое слово. – Знай же, что я у Джека Лондона сожру тот не хвативший ему кусок мяса, запью его стаканом воды Эжена Скриба и, сняв со стены гостиной Чехова ружье, не побоюсь его разрядить во всякую жаждущую получения своего сногшибательного энергетического разряда, сующуюся сюда и куда ни попади твою читательскую башку!

После чего этот критик, пойманный на своём, замолкает в своём замысле (ведь можно после получения в морду и потеряться, и не только на время). Правда опять же только на опре-

делённое его хитрым планом время, в течении которого, он сообразно своей задумке, приободряет вас. Причём в любых случаях, он продолжает внимательно следить за всеми вашими, как вам кажется, успехами и ходом вашей мысли. И вот здесь-то этот критик уже действует не напролом, а окружным путём, где он, шепча на ухо писателю комплименты, старается его ввести в собственное воодушевленное собой заблуждение. Которое этот подлый критик, однозначно нахватавшись у политологов и других проглотов, навыков заговаривать словами зубы, начал умело использовать в качестве так называемых двойных стандартов, где всякая неумелость автора начала называться им своим характерным авторским видением (своего рода писательский кубизм или тот же маньеризм).

И если автор и на этом этапе справился со своим неусыпным критиком, то по мере приближения окончания авторского труда, тот становится всё более смелым и дерзновенно наглым, заявляя, что тема книги изложенная автором, скорее всего уже устарела и не слишком интересна для современной, всё больше скукоживающейся читательской аудитории, которой лишь одного подавай, а именно – потакай её спецэффектным вкусам.

– А ты же сам знаешь, что читатель нынче уже не тот. И он не только развращён бесконечными предложениями на этом рынке услуг, но, скорее всего, туп и глуп, и, значит, совершенно не поймёт всего того глубокого смысла, который ты вложил в свой высокоинтеллектуальный роман. – Критик не нытьем, так катаньем, так и пытается, если не предотвратить, то хотя бы максимально отсрочить выход в свет твоего авторского слова. – Ну и какова же твоя читательская аудитория? И на какой читательский сегмент рассчитана твоя выданная на-гора литературная солянка? Ведь сегодня, как ты сам знаешь, прежде чем начать писать, нужно знать своего потенциального читателя: что он хочет видеть и слышать от тебя, писателя! – Критик, почувствовав уверенность в себе, уже чуть ли не орёт на автора, которому очень даже трудно ему что-либо возразить.

– И сегодня, когда конкуренция как никогда высока, где наряду с читательским спросом рулит очень таинственная, никем неизведанная социализированная в сети конъюнктура спроса, наверное, становится более важным не то, что ты написал, а кто это написал. И уж для этого, несомненно нужно не твоё спонтанное решение сесть за стол и оформить мысль в слово. А тебе для начала надо совершить свой Геростратов подвиг, после которого о тебе все заговорят, и уже на этом фоне даже самой последней, паскудной славы, ты наконец-то, сможешь с большим шансом на успех приняться за своё писательское дело (и последние станут первыми). Ведь посмотри вокруг на этих звёзд экрана и звёзд по жизни, так все они только лишь после того, как оформившись в самого известнейшего всем себя (как – не важно), о котором все говорят, а ещё будет лучше, если матерятся из каждой подворотни, то лишь тогда они берутся или вернее сказать, дают своё согласие поучаствовать в такого рода творчестве и выдать в свет всё своё изнаночное, поизношенное «я».

– Так что, прежде чем сесть за письменный стол, мне нужно совершить поступок, о котором заговорят? – Автор, прищурившись, спросил этого знатока маркетинга, критика прикладных наук.

– Именно! – Самодовольно глядя сверху, отвечает ему критик.

– И как я понимаю, знак этой славы не имеет никакого значения? – Автор продолжает изучающее смотреть на этого семь пядей во лбу критика.

– Тебя должен волновать не предваряющий поступок знак, а то, что будет стоять в конце твоего славного поступка, где знак восклицания, его много-громкость и будет самым главным для тебя знаком!

– Да пошёл ты на хер!!! Ну и как тебе такой знак восклицания? – Алекс, устав от умничанья этого матёрого интеллектуала, решил своим пока что только матерным словом, указать ему на его место.

– Ну ладно, раз тебе этих аргументов недостаточно, то тогда что ты скажешь насчёт того, что любое дело, а это твоё творческое – тем более, требует от творца очень обстоятельного и рассудительного подхода? – Критик, прикусив кончик языка, решил зайти с другой стороны. – Вот ты же сам знакомишься со статистикой интереса читательской аудитории, где с большим отрывом лидирует жанр фантастики. Так почему же ты не внял голосу статистики и обратился к этому, как его, ну, в общем, чёрт знает к какому жанру литературы ли?

– Для фантастики у меня не хватает воображения. – Скрепя сердце выдавил из себя признание автор.

– Ну, а как насчёт детективного триллера? – Всё насаждает критик.

– Я не слишком стрессоустойчив. – Откровения из автора так и прут.

– Значит и о любовном романе с тобой говорить бесполезно. – Критик, чьи поступки говорят об обратном, явно с сожалением высказал это предположение.

– О чём хочу, о том и пишу! – Не вытерпел и выкрикнул ему автор, который уже начал понемногу заводиться на этого выводителя из себя.

– Ну, тогда и твой читатель будет организовываться по тому же независимому принципу, где мост между писателем и читателем строится только по взаимовыгодному интересу, который образуется из внутреннего вашего хвалебного дружеского кружка петухов и кукушек. – Всё не унимается явно считающий себя соловьем этот напыщенный критик. После чего происходит небольшая производственная пауза, связанная с посещением автором туалета, по возвращении из которого на него вновь наваливается этот критик-соловей.

– Ну ладно, – как всегда, примиримо издалека начинает этот критик. – Раз решился, так уж я, хоть и с грустью в глазах, а всё же уже ничего не могу поделать. Но вот скажи мне одну вещь. А под каким именем ты собираешься публиковаться? И только не говори мне, что ты сейчас не готов об этом со мной говорить. – Критик лицемерно хватается за сердце.

– А разве это имеет большое значение? – Ответ автора до глубины души потрясает критика, который настолько поражен услышанным, что даже не верит (в чем он на этот раз интуитивно, очень достоверно догадлив) в такую филантропию автора.

– Ну, ты только мне-то об этом не говори. – Собравшись с силами, критик деланно усмехнулся в ответ на эту наглость автора, видимо позабывшего с кем он имеет дело (критик находится в родственных связях с совестью и поэтому очень хорошо осведомлен о всех даже маломальских движениях души автора).

– Ладно, ты меня подловил. – Автор, конечно же, время от времени не может быть нечестен с самим собой.

– А ведь выбрать себе это псевдоименное имя дело весьма немаловажное, и от этого выбора, как говорил капитан Врунгель, и будет зависеть, как в дальнейшем твой корабль поплывёт. – Критик, заметив к себе повышенное внимание автора, принялся за своё изложение видения подхода к выбору псевдонима. – А ведь не только я придаю такое большое значение этому именному действию. Так у некоторых писателей само их имя уже предваряет занимательность стоящего за этим именем романа. А для этого, я скажу, тоже нужно своё осмысленное время. Ведь не всем так везёт, как тому Максиму, который с таким быстрым успехом нашёл для себя свою Фрау.

– Так ты что, в соавторы что ли набиваешься? – Автор, имевший родственные связи со своим тщеславием, умел высоко заглядывать и видеть себе подобных, благодаря чему он, наконец-то, узрел, к чему ведёт весь разговор этот критик, который, как и любой другой критик, имеет только одну запись в своем резюме: «прикладное умение только приложно мыслить». После чего автор и обрушил на того эту свою откровенность, чем привел в замешательство критика, проморгнувшего такое быстрое своё разоблачение.

– Больно надо. – Критик совсем неубедительно попытался отговориться, но разве ему кто-то поверит.

– Надо. – Неумолим взгляд автора.

– С халтурщиком-то. – Критик, явно поверженный на лопатки, начинает прибегать к оскорблениям.

– Значит, халтурщик и тот, кто даёт мне моё вдохновение. – Автор переводит разговор в высокие сферы.

– Я понял на кого ты намекаешь. На что скажу, что в плане твоего создания, он, скорее всего, делал тебя на скорую руку. – Оборзевший критик, видимо, решил напоследок крепким словом оставить о себе след.

– Ах, так! – Вскипел автор и, закричал. – А я, не смотря на всё тобою сказанное, возьму и со всей своей дурусти напишу то, о чём думаю! А затем, не взирая на неподготовленность читателя, обрушу на его голову всё то моё домыслие, до которого... – Автор, взбесившись не смог договорить, эмоционально прихлопнув крышкой ноутбука эту ухмыляющуюся ему в монитор, так похожую на него очень наглую рожу критика. Ну а эта Рोजа к удивлению автора, вдруг неожиданно дымкой образности вышла из ноутбука и только тогда растворилась в воздухе. После чего веки автора мгновенно налились какой-то тяжестью, с которой у него, уже вовсю зевающего, не было никаких сил справиться. В результате всё закончилось его падением на крышку ноутбука. Где, наверное, автор, так и почил бы в бозе, если бы не верный его кот, который звучно мяукнув, разрушил все эти магические чары, однозначно наложенные на автора этим критиком потусторонних наук.

У каждого автора, для того чтобы с точностью или хотя бы со своей верностью определить реальность мира, должен был под рукой находиться свой определяющий эту реальность тотем. И надо заметить, что в данном случае, с авторским уходом в воображаемые им миры, требуется не просто бездушный предмет, которым пользовался Ди Каприо в начальном фильме. Нет, здесь дело куда как более сложное, и ради собственной безопасности, автору, которому каждую его вдохновляющую минуту грозит застрять в иных мирах, просто жизненно-необходимо свой живой тотем, который в минуты долгой забывчивости автора, сможет вернуть его в эти, а не выдуманные им реалии жизни.

– Что это было? – Первое, что выговорил Алекс, как только приподнял свою голову с ноутбука, крышка которого была прижата к клавиатуре его головой, после чего с некоторой осторожностью повернулся назад посмотреть на диван, где к его облегчению на Алекса смотрел проснувшийся кот.

– Мне это приснилось или как? – Алекс, внимательно посмотрев себе в глубину сердца, а также на кота, задался этим вопросом по большей части к себе, но при этом он был бы не прочь, если бы и Мурзик принял хоть какое-то участие в ответе на него.

– Приснилось. – Не услышав никакого внятного ответа от Мурзика, Алекс облегчённо вздохнул и, повернувшись обратно к столу, открыл крышку ноутбука для того чтобы закончить то им начатое до этого сна дело. Но то, что увидел Алекс на открытой им странице ноутбука, вызвало в нём совершенно иные, уже необлегчённые вздохом мысли.

«У каждого за спиной всегда стоит свой автор». – Светом огня монитора и какого-то странного предчувствия отражались эти слова в сердце Алекса.

Глава 2

Жертва или всё-таки фаталист обстоятельств

Она, не придумывая ничего нового и, не влезая в дебри психоанализа, следующим образом объясняет наш с ней разрыв, что мол, так получилось, или же, если хочешь более детально, то скорей всего, таковы стечения жизненных обстоятельств.

– Каких таких, на хрен, обстоятельств? – Воспоминание об этой её искривленной улыбке, с которой она проговаривала эту свою отговорку, в одно мгновение заставило вскипеть Алекса.

И он, стоя на кухне с чашкой кофе, не выдержав этой её наглости, с которой она сейчас ему в этом памятливом воспоминании, не стесняясь, врёт прямо в глаза, сгоряча взял и облился дымящимся напитком из чашки. После чего не стал вести себя благоразумно и, крепко выразившись, выместил всё своё зло на этой, некогда ею купленной и им любимой чашке, которую он вместе с остатками кофе закинул в мусорное ведро. Правда, эта его хреновая матерная, со зла оговорка, наводила на определённые мысли, и в принципе всё расставляла на свои места.

– Что, получила?! – Представив её искривленное гримасой отчаяния лицо, узнай она, как он поступил с этим её подарком, злорадно рассмеялся Алекс.

– Ну а всё-таки, что это такое, и вообще, что сами по себе значат все эти стечения обстоятельств, которые, как мне что-то подсказывает, есть всего лишь желание или попытка переложить всю свою вину на кого-то другого?! – В ход размышлений Алекса вновь вмешивается его эмоциональность, не давая ему спокойно разобраться уже в этих обстоятельствах дела.

Ну а когда эмоциональность, эта нетерпимость чувств, или будет вернее сказать, этот скоростной режим, в который переключаются все твои взволнованные чувства, вмешивается в дело, то тут, конечно, не до рассудительности, и пока не остудишь себя, то нет смысла говорить о какой-то объективности. Ведь когда окружающий мир за окном (твоих глаз), летящего в неизвестность на предельной скорости автомобиля (тебя), только успеваешь мелькать, и тебе видится лишь отрывочными фрагментами, ну а твои клапана, своей запредельной нагрузкой на двигатель внутреннего сгорания (сердце), заставляют его работать на пределе своих сил, то и говорить не надо, что только природные инстинкты, стоящие на службе сохранности этого природного объекта, вцепившись в руль и, нажав (только плавно) на тормоза, позволяют создать хотя бы условия для сохранения организма, которому лишь после остановки в каком-нибудь парковочном месте (лучше дома), предоставляется возможность, как следует пораздумать.

И хотя Алекс уже давно припарковался, всё же эмоциональность брала своё, и он в моменты ослабления контроля над собой, время от времени нажимал на педаль акселератора и, выпуская пар, поддавал газу. После чего стакан выпитой натошак холодной воды делал своё охлаждающее дело, и Алекс, напоенный и накормленный этим своим сегодняшним ужином-полночником-завтраком, вновь окунался в свой разговор с самим собой, теперь уже ставший для него привычным и даже в некотором роде обычным внутренним времяпровождением.

Вот так, в беседах с собой, как все знают, очень комфортно проводить своё свободное время, и очень поучительно получать советы во время деловых или других рабочих моментов. А это тот случай, когда на основании одной частности – использования подобным образом собственного ресурса, внутреннего голоса – можно аксимонально сделать обобщение, и с должной уверенностью заподозрить каждого в наличии, в соответственном пользовании, уже своего такого же внутреннего средства коммуникации.

А ведь наличие этого внутреннего собеседника, можно сказать, жизненно необходимо. И все те обвинения, когда говорят, что ты сказал не подумавши, под собой скрывают как раз то, что ты прежде чем выразить свою мысль, самонадеянно повёл себя. И не посоветовавшись со своим внутренним собеседником, который мог бы указать на твои недомыслия, и сразу же, без этой критической обкатки выдал на гора, теперь уже всеми признанную, если не глупость, то сырую, не как следует обдуманную мысль.

И хотя каждый из нас, не ставя в известность свой внутренний голос, таким образом частенько грешит (в оправдание хочу заметить, что лишь наша спешка и торопливость есть истинные причины такой забывчивости, ну и плюс в экстремальных случаях, когда для того чтобы перебраться по навесному мосту через пропасть на другую сторону, требуется идти быстро и не раздумывая), всё же он не столь злопамятлив. И стоит вам его только окликнуть, то он не станет притворяться глухим, требуя от вас дополнительных и лучше всего упрямительных позывов, а понимая, что с вас возьмёшь, вы же такой же человек, выслушает, и после

того как слегка напомнит: «Я же тебе всегда говорил, а ты как всегда не прислушавшись ко мне, поступил как тебе заблагорассудится», – должно советующе что-нибудь ответит.

– Ты же знаешь мою натуру, – виновато ответишь ты. После этого шмыгнешь носом и, почувствовав внутреннее, истощающее тепло своего внутреннего друга, который тебе успокаивающе скажет: «Ладно, чего уж там, с кем не бывает», – всё-таки ещё не много поартачишься. – Но не так же.

– Это в тебе говорит твоя рубашка ближе к телу, а если научно, то твоя субъективность, – внутренний голос умеет указать на прорехи в твоих утверждениях.

– А разве именно для меня не важна эта самая субъективность? – Всё-таки когда твоё «Я» цепляют за его доминанту, субъективность, то оно («Я») не может должным защитным образом не среагировать на это замечание.

– Как же меня удивляет вся эта ваша объект-, субъект- и всякая другая «ивность», где, по моему внутреннему убеждению, основой является всего лишь данная вам первостепень бытия, наивность. Отталкиваясь от этого, вы в зависимости от данного вам, опять же природой, воображения, переосмысливая своё место в природе, поставив её в рамки объекта, начинаете домысливать эту свою субъективность по отношению к природе... – Как всегда в таких пост-экстремальных случаях принялся грузить внутренний голос.

– Так, у меня от твоих заумничаний голова начинает раскалываться! – Как обычно схватится за голову это с большой буквы «Я».

– Всё пройдет. И это тоже. – Всё-таки за внутренним голосом всегда остается его и Соломоново последнее слово.

– Частично, пожалуй, да, – согласился Алекс с утверждениями своей эмоциональности по поводу значения этих стечений обстоятельств (на 99% выразила свою концентрацию частичности эмоциональность). – Но что такое есть сами по себе эти стечения обстоятельств, и не есть ли в этом их упоминании и использовании завуалированная попытка человечества, всеми своими доступными для понимания способами – математическим, метафизическим, философским – в конце концов, постараться, если не объяснить, то хотя бы нащупать тот алгоритм действия судьбы. Которая использует эти свои инструменты, чтобы все эти случайные (характеристика выбора) обстоятельства в требуемой для запуска реакции количественной пропорции, в нужном месте и времени (эта сладкая парочка, своего рода математическая идиома, которая при своём соединении, увеличивается в степень своего значения и влияния на подпадающий под эту связку объект) сошлись, после чего и возник бы этот, его величество или сволочество (кому как нравится, или не нравится) случай, в нашем рассмотрении прозванным стечением обстоятельств.

Ну а всё-таки, что, куда и откуда стекается, образуя этот сосуд, своего отдельного качественного наполнения случая. Ведь если его рассматривать в отдельном индивидуальном случае, то, пожалуй, можно замечливо сказать, что всякий случай, за вычетом обстоятельств непреодолимой силы, к которым относятся различные форс-мажоры (тех же кто относится ко всякому делу со своей скрупулезной настойчивостью, прошу заглянуть в договор страхования, где вам четко укажут, в каких случаях этот самый случай не будет считаться за страховой случай), все они по своей сути в основном носят природный характер и несут в себе обязательный элемент человеческого участия. Правда за исключением нескольких рукотворных военных событий, которые опять же происходят по той побудительной причине, в которой скрывается природная замутненность рассудка заводил, этих сторон права.

И если побудительным мотивом для приведения в действие этого элемента случая – человека – служит определенная его природными характеристиками жажда жизни (оставим эту сторону для рассмотрения психологам, так любящим к радости мебельщиков возлежать на диванах), то вся эта возникшая система человеческих взаимоотношений, главный принцип которой – от случая к случаю, хоть и говорит сам за себя, но в виду того, что он очень нередко даёт сбои

в частных и редко в общих случаях, однозначно требует для себя более пристального внимания. Ведь на этой системе человеческих взаимоотношений, можно сказать, не только строится мир, а он благодаря ей построен и стоит в том виде, в котором мы привыкли его видеть.

– Да, всё течёт, всё изменяется. – Протечка глубокомыслия у Алекса, своей обстоятельностью всегда перенаправив его мысль, позволит на своём закончить всякий незавершённый смысловой абзац. В чём, наверное, тоже есть свой глубокий смысл, ведь только несообразность объёмности человеческих умов, с их предметом рассмотрения, не позволяет этому уму в требуемой мере ответить на все вопросы, касающиеся той или иной объёмной темы.

– Хотя всё-таки было бы интересно понять этот механизм, который нанизав на свои зубцы бесконечность человеческих желаний, позволяет сбалансированно прокручивать колесо метража мировой жизни. – Алекс, размышляя таким образом, подошёл к кухонному гарнитуру, достал свободный от всего, кроме как только от своих внутренних пустот стакан и, насыпав в него растворимый кофе, принялся заполнять его пустоту кипятком.

– Да, вот такое стечение обстоятельств. – Наблюдая за наполнением стакана, вновь глубокомысленно заметил Алекс (стакан был глубокий и, значит, обтекаемая форма мысли Алекса, для того чтобы понять для себя его форменную сущность, должна была быть соразмерна глубине стакана, а не будь его мысль глубока, то, пожалуй бы, он не понял, что у него в руках, и так бы и остался без кофе).

Ну а без этого толчкового механизма стечений обстоятельств, являющихся спусковым крючком для всякого случая, наверное, даже самая ненавистно-размеренная жизнь, совместная с другим или с самим собой замкнутым на себе одиночеством, не полетит под откос. Ну а универсальность одиночества всем известна, и от него никуда не деться, и даже в экстренных случаях, когда его носителем делаются попытки избежать его, в основном с помощью разбавления своей жизни другими празднично-шатающимися одиночествами, то и тогда оно не исчезает, а всего лишь погружается в режим ностальгирующего ожидания. В случаях же единовременного семейного решения, то по нему хоть и наносится сильный удар, но он всё равно для одиночества не смертелен. И здесь всё или многое зависит от характеристик его носителя и его целеустремлений.

– Да вот, к примеру, вчерашняя встреча. Правда, на не очень подходящем месте для встреч – у мусорного бака, с одной, как мне показалось, заслуживающей своего пристального внимания молодой особой в дождевике. – Налив себе в стакан кофе и, перехватывая его то одной, то другой рукой, подойдя к окну кухни, принялся размышлять и беседовать сам с собой Алекс.

– И ничего я не отворачиваюсь и не уйду от волнующей меня темы разговора! – С недовольством ответил Алекс на немой упрёк, скорее всего, в её чашке, лежащей в ведре (которая представляя из себя эгрегор, в коем сокрыты все насущные мысли своего хозяина, не могла не источать из себя крупницы её требовательного к себе характера), чья возникшая сколочность при соударении с ведром, теперь не могла простить Алексу такое пренебрежительное к себе отношение.

– Сторонние аналогии позволяют нам лучше понять и разобраться в собственной проблемной ситуации, – подбодрив себя убедительными словами и глотком горячего напитка, Алекс посмотрел в окно на тот вид, который ему презентовало это его окно, которое между тем, всего лишь является проводником в сферу внешнего пространства; и нечего его винить за то, что в него вам открываются прекрасные виды в боковой двор, на мусорку. Да и к тому же, не всем же лицезреть те прекрасные виды, которые открываются вам по утрам, а ещё более занимательно и интересно – по вечерам в окна дома напротив.

Где вы, увидев нечто на что-то намекающее, тут же сообразили, что тут надо делать. И вы с любопытством, с коим вы поначалу не спешили думать, а очень быстро среагировав, прижались носом к окну. Правда это вам мало что принесло, и вы, спустя осмысленное мгновение

поняв, что, пожалуй, если выйти на балкон, то будет лучше видно, тут же отрываетесь от окна. После чего вы, проделав этот маневр, оказываетесь на балконе и, протерев глаза, принимаетесь полной грудью вдыхать прохладный воздух вечера. (А вы о чём подумали? Да, удивительно, до чего люди иногда могут додуматься). Так что иногда такие – не слишком симпатичные виды – очень даже благоприятно действуют на внутреннюю душевную обстановку и, наводя на мысли о бренности всякого бытия, позволяют дать свою точную оценку этой различной перспективной бренности.

– А вот спрашивается, какого ладу или чёрта, что пока есть вопрос относительный, меня тогда дёрнуло взяться за ведро (которое, между прочим, как того требует моя конституция решений, ещё не переваливалось мусором через края) и в такую ненастную, под дождём погоду, взять и пойти выносить мусор. М-да, в этом моём поступке, если и нет места мистике, то определённо не обошлось без вмешательства внешних, потусторонних сил, – принялся размышлять Алекс, наблюдая за тем, как какой-то, а скорее всего никакой из себя гражданин, что-то там для себя находил.

Сам же никакой гражданин был таким или верней сказать, виделся Алексу, только исходя из своего характерного для асоциальных типов внешнего вида. Где его костюм был всего лишь не ярким дополнением к главной атрибутике его внешнего я, его фонтанирующего мыслями, радужного от переливов синих и жёлтых красок лица. При этом его мысли и их выражения, видимо были столь радикальны и несвоевременны, что его товарищи по несчастью, либо же по дороге к счастью, посчитав его за человека опережающего своё время, а также пьющего вне очереди и за двоих, таким своим незамысловатым кулачным способом, заботясь о его безопасности и здоровье, всего лишь останавливали его чрезмерность понимания жизни.

Ведь каждый знает, а в особенности люди их круга, что всякая неумеренность ведёт к забывчивости, которая вначале окутывает самого неумеренного человека, для которого всё то, что не касается его неумеренности, отходит на задний план, а затем, поглотив его, уже самого выкидывает на задний план жизни. Где уже никому нет дела до него, что в окончании и приводит его к этим местам, уже чужой отхожей переполненности. И там они, перебирая остатки чужой неумеренности питания и жития, уже могут более спокойно всё осмыслить и, довольствуясь малым и тем, что беспечный Бог подаст, наслаждаться жизнью четырехзначной буквенной аббревиатуры *БожеОтпустиМоюЖизнь*.

– Да, наверное, и в его жизни не обошлось без вмешательства этих управляющих нашими поступками злокозненных сил. Ведь не просто так, за делать нечего (это тоже своего рода тревожащая все деятельные умы бездеятельно-побудительная причина), он потянулся за рюмкой водки или ещё чего в той же градусной мере. Однозначно, для этого существовала своя очень и очень веская причина. – Алекс, заметив, что никакому гражданину повезло, и в его руках оказалась кем-то пропущенная мимо глаз только початая бутылка, которая в тот же самый найденный никаким гражданином миг, была открыта и согрета его распухшими от таких частых прикладываний губами.

– Ну, даёт! – Вздрогнув от восхищения при виде такой ухватистой ловкости никакого гражданина, который за один присест, хотя в таком случае для данного процесса такая формулировка будет не слишком точна и полна, правда, если бы был присест, то тогда бы бутылка, пожалуй, ещё бы была полна, ну а так как она уже перестала быть таковой, то будет логичнее сказать, что за один пристой исполнил себя. Это означает, что он показал то, на что он способен, из чего в данном очень значительном для понимания случае, плавно вытекает своя последовательная логичность, говорящая о том, что он также показал то, что он больше ни на что не способен. И скорей всего, он попал под жернова судьбы совсем недавно и ещё не успел избавиться от своих домашних замашек. И он, проявляя неумеренность, совершенно не задумывается о своём будущем, как делают прожжённые бычками и пропахшие клозетами, которые они в виду временного согрева носят всегда с собой, эти отождествления подворотен

и изнанки жизни, его товарищи по счастью, несчастью и местожительству, люди одухотворённые одним словом.

А ведь они люди привычные ко всем недоброжелательностям улицы, и, смотря на мир с большим оптимизмом, всегда учитывают свою будущность, которая застав тебя в морозное утро, лежа в блевотине под лавкой на остановке, настоятельно требует от тебя присутствия духа, для поддержания которого всегда нужно иметь своё небольшое энзэ (не растрачиваемый запас). Ведь всегда так получается, что ты получаешь то, что не ожидаешь, что по своей сути, где для тебя нет места предрешенной участи, и есть оптимизм. Тогда как всякий конченный пессимист считает, что он всё знает, и всё как всегда идёт по своей накатанной, и ему уже точно никуда с этой гладкой респектабельной дорожки не свернуть.

– Тьфу! – Проходя мимо лакированного «Кадикала»... Ну ладно, Кадиллака. Проявлю солидарность с этими оптимистам и, выражу своё презрение к этим «писсимистам», (да, всё правильно), послав им свой смачный привет.

Ну а вечером, после своей трудовой смены, они, эти люди мира, собравшись где-нибудь (размышляя стереотипно), например, в теплотрассе, куда они пришли не с пустыми руками, а как заботливые кормилицы, с полными пакетами, в которых чего только нету, начинают проводить свой досуг (они в отличие от официально трудоустроенных граждан, не взирая на свои болезни, которых у них ни с чем, не покладая рук и ног на свою занятость, главный принцип которой заключен в том, что их ноги кормят, ведь их рожи, к большому сожалению, мало содействуют привлечению доверия и, значит, капиталов, трудятся по никем не утвержденному, ненормированному и без выходных графику). Так для начала, под собственные духовные испарения (чем крепки такого рода люди, так это своим стойким, ни с чем не перепутаешь, не пробиваемым духом) и весёлые шутки достойных себя и своего образа жизни матрон, которых всегда можно приободрить хорошей затрещиной или шлепком по заду, кормилец и его напарник, без которого очень сложно отстаивать свои права на закрепленные своим авторитетом территории близлежащих к этой теплотрассе помоек, начинают выкладывать из пакетов на добытый таким же способом стол то, что позволит им сегодня нескучно провести вечер.

– Сегодня мы гуляем! – Громко заявил кормилец, вытащив из пакета полуторалитровую пластиковую бутылку. После чего бросил торжествующий взгляд на свою подругу по теплотрассе, на чьем лице, опухшем от возлияний и необходимости лежать на твердых поверхностях, а не на диване, с трудом отыскал должное восприятие сказанного им. – Как только зима закончится, то надо будет её бросить, – сделал вывод кормилец, чья относительная трезвость позволила ему здраво посмотреть на малую симпатичность (отчего ему сразу же захотелось сгладить её, приложившись к бутылке) его подруги Надьки, которая в последнее время совсем оборзела и, не дожидаясь его, уже источает радость своего бытия.

А ведь он, как человек здравомыслящий, для которого всё это чувствительное баловство, является пережитком молодости, и выделил её из всей огромной массы претенденток на его благосклонность, лишь из-за её объемных размеров, которые, по его здравому рассуждению, были способны согреть его в наиболее холодные ночи. Но она, паскуда такая, освоившись и возмнив о себе не знамо чего, используя его тягу к задумчивости, с которой он, выпив лишка, ныряет под стол, вместо того чтобы показать свою незаменимость и, вытащив его из под стола, согреть в своих объятиях, раскрывает их для кого-то другого и, как ему кажется, для этого Витька. Кормилец с подозрительностью во взгляде посмотрел на своего напарника Витька, который, падла такая, однозначно хочет занять его место главы теплотрассы.

– Нет уж, не бывать такому! – Кормилец, крепко сжав пластиковую бутылку, решил, что сегодня же подпоив этого Яго, вытрясет из него всю правду о его ночных шашнях с Надькой.

Да, кормилец не в пример современному поколению начитан. «И ты, Брут! Мавр сделал своё дело, Мавр может уходить». – И ещё что-то в таком поэтическом роде, может выплеснуть на вашу голову знаток сонетов и запоминающихся стихотворных фраз, любитель поэзии

и пышных булочек, кормилец Филимон. Который, надо отдать ему должное, благодаря этому своему поэтическому новаторству и занимал такое своё привилегированное положение среди различного рода пышнотелостей, чья приземленная материальность, так сказать, стремится ко всему духовно возвышенному.

– А Филимон сегодня молодец! Ловко сумел заговорить зубы этому недотёпе. – Сказал Витек, доставая из пакета очень разнообразный продуктовый набор, который, к их удовольствию, уже был предусмотрительно раскрыт передаточным звеном между магазином и ими потребителями – самими покупателями. Этими носителями сбережений, которые и нужны лишь для того, чтобы тратиться в магазинах, тогда как все сливки подбирать будут они, работники интеллектуального труда, без практического знания которого, так просто и не выживешь на улице.

– Угу. – Кормилец Филимон интроверт, и поэтому несколько скуп на выражения своих чувств, да и к тому же за всеми этими похвалами Витька, ему теперь видится нечто другое – коварство и вероломство. «Ты мне тут зубы не заговоришь», – Филимон подумал про себя и, прищурившись, обдал Витька холодным взглядом.

– Ну что, пора бы уже согреться. Давай, наливай. – Витёк своим соударением железных кружек вывел Филимона из своей внутренней констатации факта, планируемого Витьком заговора против него. После чего Филимон, сделав усилие, улыбнулся и, раскрутив бутылку, принялся разливать по кружкам эту содержащуюся в бутылке ядерную смесь.

– Я прямо уже чувствую внутренний запал вискаря! – С дрожью в теле, как и все присутствующие, не сводя своего взгляда с горла бутылки, из которой вытекала ядерная жидкость, сопроводил своим замечанием это действие Витёк. Что же касается самой ядерной жидкости, то в её консистенции были замешены десятки желаний и мокрот очень различных и очень незнакомых людей, которые по той или иной причине не удосужились увидеть дно своей бутылки. Которая в один ловкий момент переключалась в руки Филимона и была перелита в эту пластиковую ёмкость, в которую, в общем, без всякого разбора и очередности и вливались все остатки недопитий уже не слишком бодрых людей.

Ну а сегодня Филимон, с помощью своих умелых действий, сумел не только выдавить из прохожего осознание его, Филимона, брэнного бытия без каких-либо сигарет, а пока этот зазевавшийся прохожий делился с ним своими сигаретами, Витёк незаметно умыкнул у него его пакет, где, к их радости и оказалась только початая бутылка вискаря. Ну и этот вискарёк и составил основу внутреннего содержания этой пластиковой бутылки. Оттого-то наверное Филимон, уставший от примитивности питания с примесями, предчувствуя практическую неразбавленность напитка, и заявил, что они сегодня гуляют.

– Ты, я смотрю, не только чувствуешь, но и весь запах уже втянул в себя, – с раздражением заявил Филимон, явно придираясь к Витьку (Филимон и сам во всю работал ноздрями, втягивая в себя эти возбуждающие и будоражащие сознание запахи).

Но Витек ничего не слышит, и как только Филимон каждому из них отмерил свою первую порцию, с жадным нетерпением приложившись к кружке, в один момент исчерпал все её возможности, после чего с благодушной улыбкой на лице отставив кружку, принялся уминать сыр с колбасами. Филимон же, чьё сознание, устав от своей занятости этим Витьком, мигом склонило его к своей кружке, как в детстве упершись лбом о края кружки, уже со своей жадностью принялся пополнять своё сознание этим источником зависимости от самого себя.

– Да и хрен на этого Витька. О чём с ним можно говорить, – делая последний глоток, порешил Филимон, чья приветливая душа, имея высокую чувствительность, уже с первого прикосновения жидкости к себе, начала примеривать себя под мир, а не как до этого, мир под себя. После чего выдохнув из себя попутные запахи, Филимон, игнорируя Витька, решил обратить свой взор на Надьку, которая, по его разумению, требовала от него сурьёзного разговора. Но Надька, к его запоздалому вниманию, справившись со своей дозой куда как быстрее, чем он,

не выдержала наплыва этих новых чувств на старые дрожжи, которые несла с собой эта новая чаша питания, и, уйдя в себя, уронив голову на грудь, принялась посапывая, воодушевлять себя и всех ко сну.

– А Надька в своём репертуаре. – Заржал Витек, как только заметил такое достойное себя поведение Надьки.

– Ну, тебе виднее, ты, наверное, все её репертуары знаешь. И ни одного не пропускаешь. – Филимон, увидев в этом заявлении Витька, намёк на их с Надькой более близкие чем с ним отношения, не выдержал и бросил Витьку эти свои подозрения.

– Да успокойся ты, Филимон. Ты же знаешь, что меня толстые бабы не прельщают. Вот худющие, это да. Да и к тому же, если смотреть на мир с житейской стороны, то им при той же отдаче на прокорм и на пропой, куда меньше надо. Так что ты, Филимон, при всей своей сообразительности, допустил большую ошибку, остановив свой выбор на этой Надьке. Да уж, обижайся, не обижайся, а я ума не приложу, что ты в ней такого нашёл, чего в других нет? – задался вопросом Витёк.

Что и говорить, а Витёк своим заявлением заставил Филимона более пристально посмотреть на эту малосимпатичную Надьку, к которой, как он понял сейчас, он имел не только свой расчёт, но и определенное притяжение. А ведь к этой толстой бабе с синяком вместо лица, от которой пахло похлеще, чем от них с Витьком вместе взятых, от которой, по большому счёту и толку было мало, его, тем не менее, каким-то совершенно непонятным образом тянуло. И ведь наверное не зря, он ещё какие-то пять минут назад, из-за неё хотел этому Витьку заехать в рыло.

«А что в ней есть такого особенного, чего нет у других особ женского пола?» – Задался вопросом Филимон, прокладывая свой мысленный путь через её взлохмаченные и грязные космы, свисающие со всех своих неприглядных сторон на лицо Надьки, которое кроме этого навеса защиты, имело ещё одно прикрытие от белого света – эти её синяки, упорядочено (Филимон отдал себе должное, за такую свою очень ровную кулачную приметливость) расположившиеся под обоими глазами (не то что у одноглазой Маруськи, которая точно не попадает в список его зазноб), и слой гигиенической грязи на её толстенных щеках, защищающий её, как она говорит, от угревой сыпи.

«Да, вроде бы всё то же самое», – сделал вывод Филимон, после того как мысленно прибрал её лохмы в причёску и, используя свой внутренний Фотошоп с его огромным набором инструментов, подчистил и закрасил тональные несоответствия на лице Надьки. «Ну ещё для приличия накинуть на неё какое-нибудь новомодное шмотье, отвести к какому-нибудь новомодному стилисту и визажисту, то, пожалуй, Надька, своим видом затмит всех этих бывалых на подиумах курв». – Филимону, аж стало жарко от этих своих самосознаний.

– Потенциал и возможность – вот что меня, как всякого художника ищущего свою Гала-тею, в ней душевно напрягает, – резюмировал своё видение Надьки обалдевший Филимон, сжимая в руке, запущенной в карман куртки, один относящийся к женским украшениям предмет. Который ему сегодня, в независимости от желания его хозяйки, вряд ли захотевшей вот так просто расстаться с этим симпатичным украшением, по случаю достался в виде презента. Что также было закреплено тем, что его напарник Витёк оказался лопухом, раз не заметил этой удачливости Филимона, который сумел прихватить из сумки садящейся в автобус симпатичной дамы небольшой, коробочного вида свёрток. И как результат, Витёк был вычеркнут из числа тех соискателей, кто имел право на свою долю в части этого предмета, который, по глубокому разумению Филимона, теперь переходил в его единоличное пользование.

Что же касается самого предмета, то, когда Филимон сославшись на уединение, в кустах развернул сверток, то его глаза чуть было не ослепли от игры света камней этой жемчужной серёжки старинной работы, которая определенно не имела малой цены, а вот близостью к заоблачным, скорей всего, могла похвастаться. Филимону это загляденье пришлось по нраву, и он,

облизнувшись, ещё раз поздравил себя с такой своей предусмотрительностью – не сообщать ничего Витьку. После чего, решив никому не сообщать и тем более ни с кем не делиться этой находкой, выбросил коробку, а саму жемчужную серёжку засунул в потайной отдел куртки, который помещался в её подкладке, куда складировалось всё то, что не могло задержаться в самом кармане, входом в который служила дырка в кармане (так сказать, условное дно, которое как раз этим своим качеством и представляет надёжность – ведь ниже падать некуда и, значит, всякая вещь, находящаяся в состоянии полного падения и в то же время пребывая на дне, уже никуда не денется).

Что и говорить, а подкладка всякой куртки, пиджака или какого другого вида верхней одежды, несёт в себе не только нисколько потаённости, но и в некотором роде глубокий сакральный смысл бытия для всякого иначе мыслящего человека, не нашедшего своего места в этом своём кармане жизни, среди её данностей. Где не ты определяешь с кем и с чем иметь дело, а кем-то там наверху, кто за тебя всё решил и, исходя из своего желания, когда только он хочет, что-то внесёт сюда и тем самым в твою жизнь чего-то принесёт, а когда наоборот, заберёт.

И видимо этот инакомыслящий человек, в один из моментов своей жизни, не пожелав больше мириться с этой обыденностью толчеи, а в особенности со своим зависимым от определяющей его судьбу божественной длани положением, взял и оборвал связующие нити с внешним миром, и найдя свой выход вниз, подальше от этих верхних пустот, взял и ушёл в свою низовую тишину.

Нет, конечно, он не сразу пошёл таким экстремальным путём, а он и до этого не раз пытался обрести контакт с этой божественной дланью, которая и слушать ничего не хотела, раз за разом, на все его разговорные попытки только отмахиваясь. Ну а когда во время особенных катаклизмов, при сильной тряске, он подкинутый до самых небес, попытался заглянуть сквозь верхние пределы неизвестности, то в тот самый момент, когда перед ним уже совсем рядом замаячила тонкая щель света, заглянув в которую, пожалуй, можно было бы ответить на все волнующие тебя вопросы, касающиеся своего мироздания, то эта судьбоносная длань, видимо не желая потерять тебя, тут же крепче прижимала этот проход.

Ну а кому спрашивается, хочется жить в темноте своего разума, или, вернее сказать, жить в ограниченных рамках своей разумности, которая практически полностью зависит от внешних малопонятных сил, для которых твоя темнота, скорей всего, и является сдерживающим тебя сохранным фактором. То нет ничего удивительного в том, что наиболее несогласные с таким положением вещей, пытаются оспорить сей фактор зависимости, и уже со своей стороны пытаются отыскать для себя другое дно, куда они будут складывать свои отражения мыслей.

И вот прокладка и стала тем самым местом, где нашла себя и своё место эта иначе думающая субстанция жизни, которая, конечно же, могла пойти и дальше, если бы не сдерживающий фактор, а именно, заложенные в каждой типологии живого организма пределы его сил, как физических, так и сознания, от которых зависит высота возможностей и глубина дна. Ведь кто знает, что там выше высокого (небес) и ниже нижнего (подкладки), за пределы которых нам позволит заглянуть лишь расширение возможностей нашего разума, который на данный момент готов лишь к своим радостям жизни, либо же в кармане своей разумности, либо же в нижнем пределе неразумности или иной разумности, в подкладке.

Правда, у некоторых ещё более инакомыслящих, у этих вышеупомянутых, с трудом поворачивается язык назвать их гражданами, между тем на этот счёт имеется своя гипотеза. Ведь все знают, а в особенности эти не слишком ответственные граждане, находящиеся в самых близких отношениях с материальностью этого мира, будучи часто притёртыми и прижатыми к стенке, а ещё больше к себе бытием этого мира, что бытие определяет сознание. И этот неотвечественный гражданин, оказавшись в своём кармане жизни, конечно же не мог так просто смириться со своей реальностью жизни, где кто-то там склонял его к этой своей обреченности.

И он, используя свой главный инструмент своего понимания разум, конечно, пытался постичь им того, чья же божественная длань определяет его сознание. Которое пришло к такому выводу, что, возможно, что этот его карманный мир не единственный, и что кроме него существует мириады карманных одиночеств, которые также как и он ограничены пределами своего сознания и заключены каждый в своём кармане. Ну а эти определяющие его сознание, присутствующие в его жизни вещи и объекты, явно не зря даны ему в своё пользование. И если сумеет определить их начальность, так сказать, сущность, то это даёт свою возможность постичь того, чья божественная длань несёт и вносит изменения в его жизнь.

Первое, что попало на глаза карманному жителю, а вернее сказать, под руки, так это самая острая в подкладке и очень больно колющая вещь – непонятно каким образом оказавшийся в кармане этот сапожный гвоздик. Что, наверное, логично, ведь если вещь несёт в себе колюще-режущие свойства, то она как вещь несущая в себе свойства двойного назначения, своей колющей бока остротой, быстро излечит вашу близорукость и очень прочувственно не позволит себя не заметить. И хотя предсказуемость и сказуемость этой острой вещи – гвоздя, уже определенно намекала на своё я в этом мире, тем не менее, неразумность любого карманного жителя, как вещь по большей части инертная, совершенно не спешит избавиться от своей «–не». И пока же эта данность каким-нибудь образом не укажет на свою приспособленность и применимость, то, пожалуй, разум карманного жителя так и будет пребывать в самом себе.

И пока названная собою разумность пребывала в своём первоначальном состоянии – в созерцании, то эта без духовность, гвоздик, под физическим воздействием потрясывания кармана, сумел вклиниться в карманный шов, что при его остроте было неизбежным. И вот когда он после некоторых трений об шов кармана, расширил свои возможности для падения, и вышел за свою объёмную предельность, то он не стал дожидаться напутственного слова, а тут же упав в образовавшуюся дыру, выпал из поля зрения созерцания разума.

– Так вот оно что! – Заглянув в эту тёмную бездну, сделала свой первый вывод разумность (применимость определяет сущность вещи). – Это твой путь! – Посмотрев вверх и, узрев недоступность этого пути, сделала вывод разумность, укрепившись в своём решении, что, скорей всего, не только не зря, а указующе символично божественная длань показывает ему это направление пути.

Ухватившись за последний дар небес, разменную монету, гвоздь погрузился вместе с ней в эту область тьмы, которая и привела его в это новое для себя жизненное место – подкладку кармана. В такую жизнь, которая не сильно, а местами даже преимущественно отличалась от той, которая шла на верхнем этаже разумного пространства. Эта же жизнь внизу, в этой прокладке жизни, позволяла через дыру в кармане (по местной классификации – окно в небо) более сфокусировано видеть всё то, что делается наверху. Что в свою очередь даёт возможность лучше увидеть и понять, как эти существующие жизненные необходимости сосуществования всех элементов жизни уживаются все вместе, так и главное – более детально рассмотреть божественную длань (чем дальше находишься от мирских забот, тем ближе к тебе ненасущное).

Что же касается насущной жизни в прокладке, то божественная длань и здесь не оставила нуждающихся без своего внимания, и время от времени подкидывает, как пищу для живота (всё больше семечки), так и для ума (какая-нибудь оторванная пуговица). Имела ли тут место случайность, где божественная длань вошла в соприкосновение со своей божественной действительностью, и, зацепив чью-то носовую возмущенность или зацепившись за что-то более монументальное, типа забора, тем самым потеряла часть себя, лицо и часть предметов одежды, или же это есть факт непреложности бытия вещей, имеющих свой срок службы и значит конечность, совершенно невозможно сказать.

Но эти загадки бытия мироздания, так и не откроются ограниченному карманом разуму, ведь вселенский разум не менее разумен и знает, что этому разуму нужно. И он, заботясь о своём меньшем собрате, время от времени и предоставляет ему возможности для раздумий в

виде всех этих загадок. Ведь ей, этой карманной разумности, как и всякой малой ипостаси, для того чтобы развиваться, просто необходима зарядка для ума.

Впрочем, все эти ответы на вселенские загадки, не откроются и более крупному разуму, чья, по мнению карманного разума, божественная длань, а для самого носителя длани – просто рука, в один момент в подкладке кармана укрыла от чужих глаз это жемчужное сокровище.

И вот сейчас эти воображения разыгравшиеся в голове Филимона, чей организм подвергся нападению чувствительности, появлению которой поспособствовала градусность жидкости, вдруг заставили его забыть все свои крепкие убеждения и принципы (никогда ни с кем не делиться), на которых, в общем, и основывалась вся его сущность. И в один из самых забывчивых моментов, он вдруг решил подарить Надьке эту серьгу. «Пусть порадуется», – улыбнулся про себя Филимон, представив эту веселую, с признаками зубного разложения улыбку Надьки.

– Ик. – Из глубины себя очень душевно ответила Филимону на эти его думы Галатея-Надька, чем указала ему на существующие реалии жизни, где его таланта камнетёса, пожалуй, будет маловато, для того чтобы ликвидировать эту её неотёсанность.

– Тьфу. – Плюнул Филимон и, схватив ещё крепче серьгу, начал себя корить за эту свою несдержанность, которая чуть не стоила ему, не считая самой серьги, потери кореша и всякого авторитета.

Филимон схватил кусок колбасы и начал её с остервенением жевать. Чем немного успокоил себя, после чего вновь задумчиво посмотрел на эту стерву Надьку.

«А может это всего лишь привычка?» – Филимон мысленно попытался уцепиться за возможность такой надежды. Да, несомненно это привычка. После небольшой внутренней борьбы, Филимон решил словами заговорить свою неуверенность: «А дальше по привычке напьемся с Витьком, подерёмся и будем привычно жить дальше», – резюмировал про себя свои думы Филимон.

– Да уж, – глубоко выдохнув, уже вслух сделал свой вывод Филимон.

– Ничего, во всём надо искать свои плюсы. Нам больше достанется, – доставая бутылку, сделал свой рациональный вывод Витёк, с чем не мог не согласиться Филимон, подставляя свою кружку.

После чего следует свой закатный в кружку заход, который приводит Филимона и Витька во взаимную глубокомысленность, где Филимон, дабы ему никто не мешал думать, с помощью затрецины убирает лишнюю фигуру Надьки со стола и, придвинувшись к Витьку, начинает свой задушевный разговор о своих планах на будущее, которое ему видится в очень благоприятном свете, и в сложившейся политической обстановке кажется весьма перспективным. В чём, конечно же, ни у кого из них не возникнет сомнений, разве что только у одной, очень завистливой, вечно сомневающейся в себе категории писателей, писателей-фантастов. Которые не смотря на эту их завистливость ко всякому воображению, услышав от Филимона все эти его фантастичности представлений своей будущности, в этот раз будут вынуждены с ним согласиться и комментировано выдать своё: «Это фантастика!».

А что они могут поделать, когда им даже в самой большой своей фантазии, не помыслится такое, что на представляет этот Филимон из теплотрассы. В чём, конечно, ничего нет такого из ряда вон выходящего, но вот то, что им никогда не преодолеть – этот существующий разрыв между реальностью жизни Филимона и его воображаемого будущего, – то это, наверное, и есть та, настоящая фантастичность, до которой очень и очень далеко идти сидящему у камина в кресле-качалке, какому-нибудь пресыщенному жизнью фантасту, ищущему для себя в голове новых безграничных, без гравитационных миров, где бы его толстый зад и одышка не были бы ему такой помехой как здесь, на этой скучной Земле.

– Вот чёрт, свалился, – выразился Витёк, глядя на привычный слёт со стула Филимона.

– Вот чёрт, свалился, – вторил ему вернувшийся в действительность Алекс, заметивший падение никакого гражданина, который после выпитого натошак, одновременно почувствовав

прилив в голове и отлив от ног (если где-то прибудет, то значит где-то убудет), сам собою разориентировался, и его голова, перетянув на свою сторону все остатки его сил и разумности, нарушив хрупкое равновесие, устремилась вниз и уронила вниз всё это строение под названием человек. Который и до этого не представлял из себя какого, а скорее никакого гражданина, а теперь уронивши сам себя, уже бесспорно стал им.

«А вот если бы он знал или же был хотя бы в курсе всех тех стечений обстоятельств, которые однозначно имели здесь своё место, то он был бы более подготовлен к этой встрече с жизненным ненастьем и, пожалуй, не стал бы смешивать пиво с водкой, пить в одну харю («Очень, разумно!» – Подтвердил внутренний голос, не раз становившийся жертвой такого поветрия Алекса, и как никто другой знающий всю ту бредятину, которую на него обрушивает всё тот же Алекс) и ставить все свои деньги на zero или на красное». – Алекс, глядя, как ветер, пытаясь поднять это новое дорожное препятствие в виде никакого гражданина, заворачивал его куртку и нещадно вытягивал его за волосы, снова вернулся к своим размышлениям.

– А для чего мне всё это? А для того, чтобы суметь выстроить защиту (а не нападение), которая впредь не поставит меня перед таким фактом безответственности моей... Теперь уже даже и не знаю, как её назвать. – Алекс всё-таки сумел сдержаться и оставить при себе всё, что в нём накопилось.

«А ведь это, наверное, всего лишь один из предложенных кем-то мне путей, который, по моему недомыслию, плюс все эти стечения обстоятельств, которые притягивают к себе все неподготовленные к жизни люди, и оказался ошибочным. И что дальше? Наверное, я должен извлечь должные уроки из ошибок и уже постараться не повторяться. Хм.», – почесал свой затылок Алекс.

– А вот мне может быть, не желается следовать по этой кем-то намеченной схеме действий! И я вообще не люблю планомерность и упорядоченность. И я, пожалуй, из всего этого извлеку одно, а именно найду ту сволочь, которая приросла к её ушам в роли советчика, и уж так воздам ему своё должное. Хотя вся эта присутствующая схематичность, в некоторой своей частности, где можно как в шахматах выстроить свою защиту, мне определенно нравится. – Подумал Алекс, после чего допив кофе, посмотрел на пустой стакан, и после небольшого размышления вернулся к столу. Где разбавив новую ложку напитка кипятком, вновь вернулся на свою наблюдательную позицию к окну.

– И если выстраивать защиту по шахматному принципу, то, пожалуй, мне подойдет «Сицилианская защита», – почесав нос и, вспомнив фильм под этим названием, Алекс, умудренный таким опытом, решил, что, скорей всего, такой дебют для него будет в самый раз.

Правда употребление Алексом этого слова было несколько преждевременным и, пожалуй, имело своё право употребляться лишь после того, как Алекс заглянул в смартфон; что будет в одно мгновение чуть позже. Но в виду того, что это мгновение несущественно и не влияет на общий ход событий, а само слово дебют, звучит более внушительно, нежели какое-нибудь вступление, то исходя из всех этих обстоятельств, было решено, не дождавшись объяснений, ввести его в своё словесное соответствие. Ну а сейчас Алекс, что-то вспомнив, быстро достал смартфон (который, как все знают, есть незаменимая вещь, и уже к вам приросла так, что нечего говорить о том, что он всегда под рукой, в кармане брюк или что там на вас надето) и начал впитывать в себя интернет-страницы.

«Дебют (от фр. *début* – начало) – начальная стадия шахматной партии, характеризуется мобилизацией сил играющих», – прочитал Алекс. – «А это мне определенно подходит. Мобилизация сил мне, пожалуй, не просто понадобится, но и необходима», – сделал глоток крепкого кофе Алекс, которому за ночь так и не удалось сомкнуть глаз (это, как вы понимаете, всего лишь метафора, и Алекс, склонный всё драматизировать, не смог и себя обойти стороной, и таким образом выразить свою жертвенность, тогда как он всё-таки частенько моргал и в задумчивости опускал свои веки), и чтобы не уснуть, теперь требовалась такая подпойная под-

держка. И тогда спрашивается, зачем нужна такая борьба с собой, когда можно взять, спокойно лечь и выспаться?! Всё конечно так, но рабочих обязанностей Алекса ещё никто не отменял, и ему, как бы это не выглядело обычным, с утра нужно было идти к месту работы, а уж там можно будет и отоспаться.

– И всего лишь с7-с5. А я-то думал... – Выдал вслух своё разочарование Алекс, прочитав, что на самом деле значит эта «Сицилианская защита».

А думал, а вернее сказать, надумал он действительно фантазийно очень много.

Глава 3

Сицилианская защита

В основе дебюта лежит идея создания асимметричных позиций. Во многих вариантах возникают позиции с разносторонними рокировками, что ведёт к острой тактической борьбе.

Вот где-нибудь, ну, например, в Рокфеллер-центре, Джон, почесав свою лысину, на которой отпечаталась подошва ноги его партнёров детства по игре в шахматы, с дуру или, может быть не по собственной инициативе (ещё крепки корпоративные связи с теми, кто позволил ему заработать свой первый нечестный миллион) взял и уступил им (товарищам по детству) свои дорогие площади, для того чтобы они могли должным образом, с размахом провести очередную чемпионат мира за шахматную корону.

– Лошадью ходи. Век воли не видать. Послушал, придурка. – Джон, подписывая распоряжение о выделения площадей, вспомнил то, что привело его к этому подписному занятию.

Так вот, сидящий под этими сводами за шахматным столом бледный очкастый тип, который при виде своего соперника становится ещё бледнее и с дрожью в теле, в особенности в ногах, не смея сидеть в присутствии такой выдающейся личности, подрывается с места, после чего, не смея моргать, ждёт пока его соперник к себе расположит атмосферу этого, для него так себе зала, и не обратит своего внимания на это неблагоприятие, посмевшее бросить (ха-ха, вы что, смеетесь?), нет не бросить, а всего лишь оказаться тем крайним, на кого указал своим пальцем с огромным перстнем на нём, действующий чемпион Джованни Леонардо... Да сами дальше всё знаете. Что и говорить, такой уж филантроп этот Джованни Леонардо, который всегда не прочь дать шанс другим людям стать если не действующим, то тогда как хотите, и будет по-вашему, будете недействующим... Кем? Так это уже как ваша на то душа пожелает.

– Я тут слегка задержался. Вы, надеюсь, без меня не начали? – Скидывая своё пальто на ловко подставленные тренерские руки, очень заразительно юморит Джованни Леонардо, вызывая восторженные смешки у судейской коллегии, чьи не влезающие в штанины животы, синхронно покачиваются вслед друг другу.

– И каков регламент матча? – Глядя в подставленное главным судьёй матча зеркало, расчёсывая свои чёрные как смоль лакированные волосы, сдвинув густые брови, сурово спросил его Джованни Леонардо.

– Главное, чтобы вы лично присутствовали, – ответил главный судья, оставив Джованни Леонардо довольным тем, что тот чётко следует установленному регламенту матча.

– Ну а что насчёт технической, так сказать, матч-части? – Джованни Леонардо вновь искрит остроумием, что вновь сводит в улыбки животы судейской коллегии, которая дав себе небольшую смешливую передышку, спустя это весёлое мгновение, через бокового арбитра принялась излагать всю суть игрового дела.

– Участники должны сыграть 12 партий с классическим контролем времени: каждому игроку 100 минут с добавлением 50 минут после 40 ходов, 15 минут после 60 ходов и 30 секунд после каждого хода, начиная с первого. После шестой партии происходит перемена цвета, – на автопилоте затараторил боковой арбитр, чья скоростная, неуважительная к слуху Джованни Леонардо тарбарщина, судя по его недовольному виду, пришлась ему не по вкусу. Но этот

юный, под шестьдесят лет арбитр, видимо, ещё новичок, и не имел дела с Джованни Леонардо и его подручным, так сказать, спарринг-партнёром, мясником из Палермо, и поэтому не замечает эти намёкливо-лицеволюнные Джованни Леонардо. Но Джованни Леонардо сегодня в несколько большем расположении духа, нежели обычно, и он в один ручной хлопок затыкает рот этой говорливой несносности. После чего широко улыбнувшись своей чарующей улыбкой, ставит точку во всём этом оглашении правил.

– Я бы не стал так далеко заглядывать. – Своим заявлением, Джованни Леонардо приводит весь зал в восторг. После чего он, дождавшись, когда уляжется это волнение, стряхнув со своего чёрного в полоску костюма пылинку, твёрдым шагом направляется к ожидающему его присутствия шахматному столу.

– Так. Я смотрю, фигуры уже заняли свои места. – Подойдя к столу и, бросив свой взгляд на шахматную доску, констатировал факт присутствия фигур на столе Джованни Леонардо.

– Ну, что ж поделать, наверное, поделом мне за то, что я опоздал! – Присказка Джованни Леонардо заставила взмокнуть главного судью соревнований.

– А я ведь, и как вам не знать, – Джованни Леонардо бросил нехороший взгляд на судью на поле, чем вызвал у того колики в животе, – хоть человек и глубоко верующий, но всё же имею самую малую склонность к суеверию, и перед игрой сам расставляю свои игровые фигуры, – сказал Джованни Леонардо и, резко схватив ладью, в одно движение заставил зажмуриться массу судейского народа, в один момент глубоко прочувствовавших верность истины – не суди, да не судим будешь. Но к удивлению широких судейских лбов, сия ударная участь их сегодня миновала, и Джованни Леонардо, вновь проявив выдержку, улынулся и, вернув на место ладью, на этот раз заметил стоящего рядом со столом претендента.

– Да уж. Нечего сказать, пошёл нынче претендент, – обойдя вокруг претендента и, вернувшись на своё прежнее место за столом, выразил своё недовольство Джованни Леонардо. – И с этим мне, значит, предлагается играть? А вдруг ему вздумается нападать? А мне что значит? – Обведя своим зорким взглядом судейскую комиссию, Джованни Леонардо, усмехнувшись, спросил. – Придётся защищаться?!

И этот, очень грозно позвучавший в устах Джованни Леонардо вопрос, определённо достиг своей цели. И при этом он достиг не только судейские уши, но и их сердца, которые даже несмотря на то, что они уже давно попрятались в свои укромные пяточные места, судорожно среагировали в ноги. После чего зал накрыла мёртвая тишина, где даже настенные часы, в одно мгновение из механического табло преобразовались в цифровое, и теперь вместо времени показывали температуру окружающего воздуха, которая, судя по накалу здешних страстей, в своём росте начала поспевать за временем.

– Да я пошутил, – насладившись тишиной, улынулся Джованни Леонардо, и своим весёлым заявлением закончил игру «море волнуется раз», из которой, судя по некоторым впавшим в спазм и детство лицам, не всем удалось выйти достойно. Но возможно эти спазмические лица были не столь малодушны и заиклены на себе, а, скорей всего, они, дабы не тратить время на обратные лицевые движения, предчувствуя в будущем подобного рода повторные действия Джованни Леонардо, так и остались на своём одном месте. Что, надо отдать им должное, и произошло вслед за следующим волнительным вопросом Джованни Леонардо:

– Ну и какого цвета фигурами я буду играть?

Что и говорить, а этот самый простой вопрос, неожиданно поставил в тупик членов судейской комиссии, совершенно забывших о том, что Джованни Леонардо любит красный цвет. Что ж, делать нечего, и судейской коллегии приходится идти на риск, и они, выпнув из своих рядов самого юного, под шестьдесят лет арбитра, отправляют того на заклятие к Джованни Леонардо.

– Для определения цвета фигур, требуется провести жеребьёвку, – заикаясь проговорил юный, под шестьдесят лет арбитр, который своим невнятным заявлением смутил, как своих коллег

по судейскому цеху, так и самого Джованни Леонардо, в одно мгновение вспыхнувшего на месте.

«Боже, что он говорит! Надо было предлагать белые. Он что, нас всех под монастырь подвести хочет?!» – Ухватившись за свои седые головы, вместе со вздохами выдавали своё недоумение судьи.

– Да ты, я смотрю, оптимист! – На последнее заявление одного из судей, сглотив кадык, сделал замечание лысый судья.

– Как? Забыть про мастерство и годы упорного труда, которые мне понадобились для того чтобы достичь того, что я умею? И вот так сразу всё отдать воле случая?! – схватившись за волосы на голове юного, под шестьдесят лет судьи, громко возмутился Джованни Леонардо.

– Нет! Нет! – Уже истерично кричал юный, под шестьдесят лет судья, теперь уже крепко схваченный Джованни Леонардо за уши.

– Мне, как всякому уважающему себя профессионалу, не нужны поблажки со стороны судьбы. Так что я отдаю право выбора цвета фигур своему сопернику. А себе, так уж и быть, оставляю право первого хода, – заявил Джованни Леонардо, отпустив уши судьи, который, постигнув всё великодушие Джованни Леонардо, вслед за всеми закричал:

– Вот это справедливо, браво! Умеет Джованни пройти через игольное ушко!

Под этот шумок, Джованни Леонардо, угадав по смиренному взгляду претендента его выбор, занимает своё игровое место и, устроившись поудобней на третьей перемене стульев, приступает к подготовке к игре.

Так он вначале снимает свой перстень с перчаток и укладывает его во внутренний карман пиджака. Затем настаёт очередь самих перчаток, из-под которых на свет показывается ещё один набор колец и печаток, которые своим ярким отблеском световых и людских желаний, смущают глаза претендента, который уже начинает волнительно заглядываться на все эти роскошные заглядения, так и притягивающие к себе его сердечный взгляд. После этого Джованни Леонардо поправляет свой ярко красный платок в верхнем кармане пиджака, лезет в другой карман, откуда на свет появляется расчёска, которая в руках Джованни Леонардо своё дело знает и быстрым стрижком проходится по его тонким усикам, растущим над самой губой. Затем расчёска возвращается на своё место в карман пиджака, из которого на этот раз выуживается опасная бритва, которая к заметному удивлению и волнению претендента, занимает своё место на столе рядом с Джованни Леонардо. Который, заметив этот вопросительный взгляд претендента, как человек не имеющий привычки что-либо скрывать, и предпочитающий ясность неясности, тут же, не сходя с места, прямо в лоб спрашивает его:

– Есть вопросы?

– Да, нет. – Благоразумие взяло верх в претенденте, вынудив его больно не задаваться.

– Эта вещь всегда отрезает пути ведущие к лишним вопросам, – погладив опасную бритву, всё же дал свой ответ Джованни Леонардо, взявший другой рукой пешку и открывший ею окно широких возможностей для себя и ограниченных для претендента.

– d2-d4, – претендент своим вариантом «Сицилианской защиты» спутал все намерения Джованни Леонардо, увидевшего в этом ходе претендента длинную руку семьи Ризоцци. А ведь его семья с ними ведёт беспощадную войну, что заставляет его более внимательно посмотреть на претендента, сквозь круглые очки которого на него смотрели полные беспощадности глаза...

Алекс вдруг почувствовал, что его глаза находятся в каком-то необычном, в некоем остывающем и прижатом состоянии, где довлеющей над ними массой, как выясняется, как всегда оказалась его голова, которая в каком-то своём безумном устремлении, вдруг решила прижаться к окну, где она спустя это запоминаемое мгновение, потраченное на обзор шахматного матча, и была обнаружена пришедшим в себя Алексом, который, как оказалось, стал жертвой своего недосыпа.

– Вот ведь как меня кидает! – Констатировав факт своего неучастия в жизни собственного организма, Алекс, к своему удивлению обнаружил аккуратно уложенный на стол смартфон и поставленный на подоконник стакан. Что навело его на весьма благоприятную для себя мысль – он может за себя быть спокоен, раз даже в такие неучастливые моменты своей жизни способен на аккуратность. После чего он, дабы не усугублять это своё положение, посмотрев на часы, которые ему ещё давали свой запас прочности и время на безделье до появления на службе, решил сделать рокировку. И он вместо не оправдавшего ожиданий кофе, решил возложить всю бодрую ответственность на чай, который в тот же момент принятия решения был погружён в заварочный чайник, и после будоражащего сознание чайных листков кипящих звуков чайника, был омыт этим кипятком.

– Говорят, что Бодхидхарма, основатель Дзэн, медитировал девять лет, сидя перед стеной. Девять лет он постоянно находился только перед стеной, и иногда, естественно, он начинал засыпать. Он боролся и боролся со сном, желая оставаться осознающим даже во сне. Он хотел оставаться осознающим постоянно – свет должен продолжать гореть днем и ночью, 24 часа. Но вот однажды ночью он почувствовал, что не может оставаться бодрствующим, он засыпал. И тогда он отрезал свои веки и выбросил их! Теперь не было возможности закрыть глаза. И что случилось потом? Через несколько дней он обнаружил, что эти веки начали прорастать. Эти ростки стали чаем. Вот почему, когда вы пьёте чай, что-то от Бодхидхармы входит в вас, и вы не можете заснуть. А Бодхидхарма медитировал на горе Та... – Пока Алекс бездумно глазел на чайник, его вниманием завладел его внутренний голос, вытащивший из глубин его памяти на свет когда-то прочитанную им легенду.

– Что ж, посмотрим, как на вкус и цвет все эти легенды, – налив себе чаю, продемонстрировал своё недоверие Алекс (что говорить, после не оправдавшего ожиданий кофе, вполне предсказуемая реакция), и вооружившись новым оружием против сна, вернулся обратно к окну. – Да, уж больно это место имеет большое притяжение. – Алекс вновь вспомнил ту свою встречу с незнакомкой, на том же месте, где сейчас свернувшись калачиком, размещался никакой гражданин, с которым так и не справился этот неугомный ветер.

Интересно, где та конечная остановка, куда всех так настойчиво приглашает ветер. Хотя его существование, скорей всего обусловлено необходимостью распространения чего-нибудь живого, в основном, плодов, этих зачатков будущей жизни. А это значит, что никакой гражданин очень зря не прислушивается к этим ветровым завываниям, которые однозначно привели бы его к какому-нибудь месту своего распространения, а там, глядишь, накормят, напоят и в мягкую постель уложат.

А ведь этот никакой гражданин своим присутствием на этом символическом месте (у каждого свои символы и сакральности) определенно напомнил Алексу о том, что ему надо ещё раз проанализировать ту не выходящую из его головы встречу.

– Нет, конечно, здесь нет ничего необычного и, наверное, любой на моём месте, так быстро не смог бы забыть такой приветливый взгляд, скорее всего очень симпатичной незнакомки, – ударился в размышления Алекс. – А на вопрос, как это понимать, скорее всего отвечу, что надетый на ней дождевик, идущий дождь и моя на внимание не сообразительность – в своей совокупности, так сказать, это стечение обстоятельств (в данном случае эти обстоятельства имеют своё объяснение) не позволило мне в должной мере разглядеть её лицо. Но к моему подтвержденному практикой разумению, обладательница такого взгляда не имеет права на несимпатичное лицо.

– Что-то вы заговариваетесь? – Поддержит Алекса его внутренний голос (да пошёл он), в ответ на этот вопрос очень приметливого и отличающего желанья от возможностей реальности, другого внутреннего голоса, однозначно пессимиста.

– Ну, да ладно, я не для споров о вероятности возникновения возможностей и даже правил, завёл весь этот свой внутренний разговор, который больше уводит в сторону, нежели поз-

воляет прояснить всю ту глобальную для природы необходимость (а она, по моему разумению, определённо существует) той моей встречи с незнакомкой у этого символического места. И хотя эта, в общем-то даже мимолётная встреча, в себе не содержала ничего из ряда вон выходящего (я случайно приподнял глаза и одними глазами увидел эту улыбку, видимо её интересный взгляд был прочувствован мною и призвал меня к внимательности, которую я мало проявляю в таких общественных местах), но она, тем не менее, отложилась у меня в памяти и до сих пор не выходит из головы. – Принялся размышлять Алекс.

– А вот почему спрашивается, я её встретил именно в тот самый день, когда её встретил, и ни днём и даже часом не раньше и не позже? Отчего спрашивается, зависит скорость и ситуативность, позволяющая организовывать эти встречи? Правда, возможно, как в моём частном случае, для того чтобы мой переезд сюда, в новое жильё, не показался мне удручающе скучным, проведение, стоящее на службе каждого отдельного природного ореола обитания живых существ, которым несомненно является наш новый микрорайон, в своих продуманных и туманных природных целях, взяло и организовало эту встречу.

– Так только что появившийся на свет ребенок, в первую очередь видит свою маму, которая для него будет той определяемостью этого мира, в который ему предстоит вступить. Так и для меня, имеющего ещё несформировавшееся мнение об этом новом для меня ореоле обитания, это первое симпатичное лицо, вызвав побуждающие к жизни любопытство и интерес жить в этом, а не в каком-нибудь другом месте, и должно заставить меня примириться с этим скучным переездом (который, по сути, является тем же переходом из одного состояния в другое).

– Но это всего лишь мои догадки, когда может быть, всё было до банальности просто. И эта девушка, сидя на кухне у себя дома, и от делать нечего (когда сердце свободно, то таково положение вещей), к своему удовольствию заметила в окно симпатичного парня (здесь нет и намёка на самолюбование, каждый себе видится только в таком симпатичном виде, таков закон природы), что и заставляет её немедленно отреагировать на этот призыв природы. И она, не долго думая, хватается ещё не наполненный пакет... Но, стоп. Кажется, у неё в руках было два довольно внушительных пакета. – Алекс, углубившись губами в глубины чая, таким удивительным способом остановил себя на этом заметливом замечании.

– Ну тогда возможно, что она, переругалась со своей старшей, не менее симпатичной и очень грациозной сестрой (старшая сестра всегда обладает такими преимуществами перед младшей), которая указала на её полную незанятость, в том числе и сердца. И требовательно, с элементами настойчивости, – вот отец вернётся с работы, я ему все расскажу, как ты мне помогала в уборке по дому, – убедила её. – Да, Вероника?, – пусть её так зовут, – спросила её старшая сестра.

– А ведь Вероника в своей рассеянности чувств, на которые намекает её чувствительное сердце, в некотором роде беззаботна и не связана крепостью уз с материальностью этого мира, отчего в её руках ничего не может удержаться и, грозясь разбиться, валится на пол. Что, конечно, учитывается её старшей сестрой Офелией, и она, принимая во внимание этот Вероникин дар, пропускать всё сквозь свои руки, позволяет ей принимать посильное участие лишь в самых безответственных случаях, как, например, вынести мусор. С чем она и выпроваживается из дома.

– Ну а всякая безответственность, есть первая предпосылка для возникновения новых отношений. И Вероника, не испытывая затруднений в своей коммуникации с внешним миром, не стала скрывать своей заинтересованности к обладателю симпатичной внешности и мило одарила меня своей улыбкой. – Алекс, явно довольный такой версией предыстории возникновения той знаковой встречи, удовлетворенно расплылся в своей улыбке.

– А напомни мне, что на ней было надето в тот день? – Вдруг запросил для себя слова внутренний голос.

– А ты как будто не знаешь, – не заметив в этом вопросе подвоха, хмыкнул на него Алекс, – дождевик.

– А чтобы голова не намочилась, она, скорее всего, и надела на голову капюшон, – детализация внутренним голосом Вероникиного костюма, вызвала в Алексе нотки ревности.

– Я что-то не пойму, к чему это ты ведёшь весь этот разговор? – Углубился в себя уже не улыбающийся Алекс.

– Да просто в вечернее время, когда идёт дождь, из-под капюшона ещё не то увидишь, а что не увидишь, то домыслишь. – Внутренний голос своей аргументированностью заявления прямо-таки сразил Алекса, который прижав свой горячий лоб к холодному стеклу окна, слегка остудился, а уж затем, чтобы эта внутренняя приземлённая противопоставленность сильно там не радовалась, на всю кухню громко заявил:

– А я вот её встречу и обо всём спрошу, и тогда узнаешь, кто был прав.

– Ха-ха. И чего ты ей скажешь? – Всё-таки невыносим этот внутренний голос.

– А я, во-первых, не пойду на поводу у тебя. Если провидением была организована эта её встреча со мной, то значит я, даже не пытаюсь с ней как-то встретиться, обязательно ещё раз с ней встречусь и тут же познакомлюсь. Понял?! – Утверждающе заявил Алекс.

– Да всё я понял, – неожиданно встрял в разговор зашедший на кухню Мурзик. – А ты, как я погляжу, всё не спишь и всё так же безуспешно сам с собою споришь, – ухмыльнулся этот дерзкий кот, который обозрел Алекса и, поставив его на своё место в его жизни, повернулся к своей миске, которая очень своевременно была наполнена любимыми деликатесами Мурзика.

И хорошо, что Мурзик так самолюбив и всегда голоден, а иначе пришлось бы слушать его мурлыкающие отповеди. Мол, я, видя твоё одиночество, пошёл на жертвы, и выбрав тебя, оставил эти, такие мягкие и ласковые руки хозяйки (что есть, то есть, вынужден признать Алекс), которая всегда найдёт время меня приголубить, а что уж говорить о такой мелочи, как совсем небольшая миска для чего-нибудь перекусить. А ведь ему много не надо, так, самую малость внимания его хозяев, ради которых он между прочим, готов при случае перекричать, а при случае, перегрызть глотки дворовым котам.

– Так что было бы не плохо, тебе, Алекс, – часто корил Алекса своим взглядом или как сейчас, всем своим видом Мурзик, – учитывать этот факт моей преданности и без лишних напоминаний, расширив рацион питания, вовремя наполнять эту и ещё дополнительную миску для моего питания. Ну а если у тебя нет такой возможности, или же ты жлоб по жизни, то тогда спрашивается, на каком таком основании, ты, доведя до слёз дочь и до истерики свою дорогую половину, чередуя неделю на неделю, оставляешь меня при себе (скорее всего для того, чтобы на зло им меня голодом морить, – сделал свой вывод Мурзик). Хотя, можешь не говорить, всё и так понятно. Всему виной твоя мелочная мстительность, с которой ты, оставив у себя что-то для неё дорогое, тем самым даешь ей повод для того чтобы лишним раз омыть солёными слезами своё красивое лицо. Которое под воздействиями солей и горестных лицевых искажений, вызванных этими её удручениями, начнёт в скоростном темпе видоизменяться в некрасивую сторону, после чего потеряет свою былую привлекательность и больше никому не понравится кроме тебя.

– А ты, хозяин, как оказывается, ещё тот злыдень, – облизывая с усов молоко, бросив боковой взгляд на Алекса, проявил свою неблагодарность Мурзик.

– Но!.. – Попытался было возразить Алекс, но Мурзик предупреждающе фыркнул и, заткнув этого возразителя, продолжил свою назидательную, под кусочек деликатеса речь.

– А ты вспомни, как вы за меня дрались и, схватив меня за мои лапки (Мурзик притворно и уже приторно пустил слезу), принялись меня тянуть каждый в свою сторону. И кто знает (если бы не вмешательство Лапусы, которая своим криком позволила мне вырваться из ваших рук), до чего бы вы меня дотянули, но душу, вы уж точно из меня вывернули. – Мурзик передёрнувшись от этих воспоминаний, или же от того что слишком большой кусок застрял у него

в пасти, сопровождал этот свой передёрг поглаживанием себя лапой по голове. – А такое, знаешь ли, не забывается. Но я, по сравнению с тобой, не столь злопамятный и, так уж и быть, дам тебе возможность загладить свою вину. Так что, слушай и запоминай... – Мурзик, развернувшись в сторону сидения Алекса, присел на свою заднюю часть туловища. Он видимо, испытывал большое удовольствие от этого процесса, когда можно указать на своё место своему хозяину, где он каждое своё многозначительное подлизывание чередовал своими предложениями.

«Вот борзота», – насупив брови, громко про себя возмутился Алекс.

– Я всегда знал, что от этого кота ничего хорошего ждать не стоит. Да я сейчас возьму стакан, да как запульну в твою лощенную физиономию! – Алекс крепко вцепился в стакан, чем вызвал настороженное внимание у Мурзика.

– Ты что это там? Неужель, недоброе задумал? – Мурзик, напрягшись, сделав приготовление к прыжку, предупреждающе зафыркал.

– Да нет же, я просто концентрируюсь слушать, – пошёл на попятную Алекс.

– То-то же. – Слишком суров в ответ Мурзик. После чего он немного успокоился, всё же не до конца доверяя хозяину, приготовился излагать свой райдер.

– Что касается питания, то я не буду останавливаться на этом вопросе, который, как ты понимаешь, есть само собой разумеющийся. Насчёт же дополнительных бонусов, которые должны содействовать комфортности моего пребывания под сводами этой неухоженной квартиры, то я желаю, чтобы в моё единоличное пользование было предоставлено кресло напротив телевизора, мягкая подушка на него, – Мурзик немного подумал, и добавил, – и это твоё «брысь», чтобы я больше не слышал. Понял?! – Мурзик проникновенно посмотрел на Алекса.

– Так, – продолжил Мурзик, – следующим пунктом идёт кофта из ангорки. Я хоть существо и теплокровное, но, тем не менее, не только сам даю тепло, но и не прочь погреться. Так что нечего прятать от меня её. И сегодня же предоставить мне ангорку в моё полное пользование. И опять напоминаю, не употреблять своё «брысь»! Так, далее... – Здесь Мурзик вновь задумывается, почёсывая себя за ухом.

– Вот и хорошо, что я сам себе напомнил. А ты, наверное, даже и не имеешь в себе такого памятливого функционала, – ухмыльнулся уже всюю оборзевший Мурзик, глядя на смиренно сидящего Алекса. – Да запомни ты, наконец, не люблю я все эти ваши водные процедуры. И если я терплю воду, то только лишь в качестве дополнения к молоку после солёной рыбы. А твои принижающие моё достоинство заявления, что я дурно пахну, не имеют под собой никаких оснований. И я как зверь, имеющий куда как более близкие связи с природой, со всей ответственностью заявляю: что естественно, то не безобразно. Так что, с сегодняшнего дня, отныне и во веки веков, все водные процедуры находятся под моим запретом! Мяу! – закончил эту блоковую часть Мурзик.

– Кстати, тут я намедни видел, как одну домашнюю кису расчёсывают, так что прикупи для меня специальную расчёску. И когда я буду в расположении, будешь чесать меня. Надо, видишь ли, готовиться к марту... – не смог договорить Мурзик по причине своего волнения в предчувствии этого события, когда его желания (инстинкты) входят в фазу наиболее благоприятного совпадения с возможностями (природными сроками). И он, сбившись со своего списка претензий, вначале поднялся на лапы, после чего решив домыслить эту свою инстинктивную предсказуемость с собой наедине, бросив Алексу на прощание: «Так что смотри у меня, не позволяй мне у тебя скучать», – лёгким шагом направился в зал возлежать на теперь уже его кресле.

– А?... – Внутренний голос попытался было возразить, но тут же на полуслове был заткнут Алексом. – Заткнись, мне уже пора пойти и выпустить пар.

После чего Алекс бросил прощальный взгляд на удаляющегося кота, развернулся и направился в другую сторону, а именно в спальню, собираться на работу.

– Ну а правило: «всему своё место и время» ещё никто не отменял, так что пора распрячь мою четверку лошадей, и кое-кому предоставить возможность лицезреть мой дебют четырех коней, – глядя в упор в себя, дал запотеть зеркалу Алекс.

Глава 4

Твои три ментальных всадника апокалипсиса

Человек существо общественное, и поэтому он даже в самый свой решительный для себя последний час, не собирается лишать себя удовольствия разделить этот момент, если не с близким, то хотя бы с каким-нибудь обществом. Которое он, согласно своим воззрениям на него, обязательно решит поделить на тех, кому он предоставит внеочередное и, скорее всего, первое место для встречи с праотцами, и на тех, кого он оставит про запас. Ну а для третьей, самой недостижимой им части, в основном состоящей из виртуального сообщества, будет отдано на откуп право на осмысление всех его поступков, которые привели его в такое безудержное для себя и безнадежное для его окружающих состояние.

Что и говорить, а когда человеку чрезмерно тяжело, то он, как правило, старается переложить этот свой тяжкий груз на плечи других, близко стоящих или близко сидящих с ним людей. А они лучше бы всего, сами бы шли сами по себе и налегке. Но кто ж их желание или нежелание спрашивает, когда вам так тяжело и больно (эффект электро – самый последний в передаточной цепочке, получает окончательный, вбивающий в землю заряд).

Ну а пока что ничто в этом мире не делается за просто так, и всем приходится трудиться, кроме разве что некоторых продвинутых стран, построивших у себя подобие займового коммунизма, и живущих по принципу – после нас хоть потоп и кризис ликвидности. Для нашей же страны это пока недостижимое и не совсем желаемое будущее, где в отличии от всех этих стран, ещё не наступили такие радужные дни (вот почему они проводят все эти жертвоприношения своих душ на этих радуга-парадах). Так что Алексу пока что ещё приходится добывать себе хлеб насущный, каждый день отправляясь на работу, в редакцию одного из журналов, где он числился фотокорреспондентом. Куда он со своим характерным желанием отдохнуть, и вознамерился поутру пойти, чтобы уже там переложить свой тяжкий груз на своих коллег.

И как это в основном бывает, то в тот самый критический момент вашей семейной драмы, когда вам больше всего нужна помощь или чьё-нибудь душевное участие, её нет, и вы, как правило, остаётесь в своём горьком одиночестве, наедине с самим собой и горем. И как результат всего этого, свой благовидный шанс на взаимовыручку получают ваши ни разу горе не хлебавшие и ничего такого не подозревающие коллеги по работе, к коим у вас как раз накопилась масса требующих немедленного ответа вопросов.

Ну а чем больше человек сам себя чувствует недооцененным, то тем большему количеству людей, – среди них были даже те, кто не имел возможности недооценить вас будучи незнакомым с вами, что, конечно, только их проблема, и вас это совершенно не волнует, – он с невыносимым желанием и отчаянием старается доказать их неправоту, наводя на них пока ещё холодный ствол своего огнестрельного автоматического оружия.

– Запрягай лошадей! – Указующе твёрдо заявит ему тот, кто должен повелительно заявить это его побуждение к действию.

– Мои амбиции – это предпосылки для возникновения этой ситуации. А их посылки и отсылки меня – уже аргумент для предъявления им всего этого последствия, – смотря исподлобья (для грозности своего вида) на окружающих, прохрипел про себя Алекс, уже находящийся на взводе и готовый спустить всех своих злобных собак на недосужую на твои проблемы публику. Правда собаки используются лишь в обыденных, словоблудных случаях, тогда как такие, судьбоносные случаи, требуют от тебя пустить в неистовый галоп то, что покрепче и посерьезней, а именно тех четырех разномастных коней, которые несут на себе своё открове-

ние, с которым вы и хотите обратиться к миру. Ну а пока что вы, попридержав их внутренне, ведёте диалог с тем, кто при подобных действиях всегда незримо присутствует и в значительной степени побуждает вас таким образом действовать.

– Я, конечно, польщён, что ты не пропустил мои замечания мимо ушей и прислушался к ним. Но не кажется ли тебе, что ты слишком радикально и категорично-безвозвратно подходишь к моему предложению заставить мир заговорить о тебе? – Сегодня критик не слишком самоуверен, глядя на то, как начальник Алекса Валериан Леонидович, находясь не в собственном для себя виде – из его разбитого носа вместе с соплями тёк своеобразный коктейль, который придавал слюняйную выразительность его внешнему виду, – и положению – он всю свою жизнь смотрел на мир с высоты своего орлиного носа, а теперь стоит на коленях перед Алексом и смотрит снизу вверх. Для чего много не потребовалось, а нужно-то было, всего лишь пару разговоров его приласкать кулаком. Что и было проделано Алексом с огромным удовольствием, после того как он вскрыл, правда, уже вторую печать войны.

И когда он снял вторую печать, я слышал второе животное, говорящее: иди и смотри. И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч.

Но Валериан Леонидович при всём этом, не смотря на всю свою унылость и забитость, всё равно не сводит своего взгляда с Алекса, и очень пристально внимает ему, боясь упустить даже самое мимолетное его замечание, на которые он плевал и зевал за всё время работы Алекса в редакции.

– А это, наверное, уже не меньше пяти лет. – Алекс, глядя на своего такого внимательного к нему начальника, которого в виду его авторитарного стиля правления, а также из-за лекарственного рифмового сходства, все за глаза звали Касторычем, решил по-своему (очень запоминаемо для начальника) напомнить тому об этом своём юбилее, ещё раз заехав Касторычу кулаком в левое ухо.

– Слышишь, Касторыч, сука, я уже пять лет как здесь на тебя батрачу. – После своего кулачного напряжения, Алекс, предположив собой работы слухового аппарата Касторыча после этой своей ему оплеухи, перешёл на повышенные разговорные ноты, заорав тому прямо в ухо. В результате чего, плюс ко всему сотрясательному головокружению, вызвал у того уже не просто недоумение – «Какой на хрен Касторыч?! Это ошибка, я всего лишь Валериан», – в голове Валериана смутно роились оправдательные мысли, – а уже дрожь его поджилков, которые первоначально находясь в шоковом состоянии, ещё не осознавали всей опасности своего положения.

Ну а теперь, когда этот, до этого совсем неприметный работник их журнала, уже несколько раз кулаком в лицо заявил о себе, Валериан начал понимать, что, пожалуй, его связи в администрации города, в данном случае никаким боком не помогут, и ему сейчас в кои-то веки придётся рассчитывать только на себя. А это после стольких лет заслуженного расслабона, стало непосильной ношей для его поджилков, которые, действуя по аналогии с подтяжками, придерживающих определенный вес ваших штанов, уже не слишком справляются с этой задачей, стоит вам только грузно навалить в них то, что валится от большого страха. Что и произошло с Валерианом, пустившимся в самые тяжкие свои думы, в один момент нашедшие для себя этот короткий задний выход. Что, конечно, не осталось незамеченным Алексом, который сначала искривился в лице, поморщившись носом, а затем даже несколько удивился подобному ходу вещей. После чего своей вопросительной реакцией ещё больше ошеломил Валериана:

– Это что, твой поздравительный ответ, гнида? – Усмешка в глазах Алекса (как оказывается, Алекс не зря прозвал главреда Касторычем) и его несколько отстранённый вид, выглядели куда более пугающими для Валериана, нежели если бы Алекс выказал всю свою злость.

– Нет. – Крайняя необходимость хоть что-то ответить, заставила Валериана выдавить это отрицание.

– Опять нет. – Лицо Алекса потемнело от злобы и ненависти, что вызвало новый спазм в животе Валериана, чей рассудок мгновенно помутнел от страха и собрался уже пересидеть в своём падучем обмороке, пока опасность не пройдет.

– Я это «нет» только от тебя и слышу! – Орал Алекс уже на павшего на пол в свой обморок Валериана, который, грохнувшись носом в пол, уже в свою очередь вызвал недоумение у Алекса, который совершенно не рассчитывал на такой быстрый, не просто поворот, а в некотором роде крен событий. Всё это, по его спонтанной задумке, должно было продлиться несколько дольше, к примеру, столько, пока его душа не удовлетворится. Но, скорее всего, таким образом действий это совершенно не достижимо.

А ведь ещё вчера, когда Алекс, уходя с работы домой и прощаясь с теми, с кем он считал и не считал нужным (их было непропорционально значительно больше, чем других категорий людей), и с тем, с кем он хотел больше встречаться, но для этого приходилось иногда и прощаться (очень редкие и единичные случаи), даже сам, не говоря обо всех них, у которых и своих забот полон рот, а значит, нет ни до кого кроме себя никакого дела, не мог себе представить, какое радикальное и местами критическое изменение произойдет с ним всего лишь за один вечер. И ведь что тут самое интересное и удивительное, так это то, что по вашему внешнему виду совершенно невозможно определить всю глубинность тех изменений, которые произойдут и произошли с вами.

И это вам не какая-нибудь там новомодная причёска ведущего специалиста отдела маркетинга, приведшая всех коллег в неопикуемый восторг (этот вид восторгателей оттого вызывал много вопросов, что было сложно понять, какое преимущественное чувство превалировало в них, правда, одно можно было точно сказать, что эта причёска никого из них не оставила равнодушным), или тот же новый костюм от какой-нибудь итальянской, замелькавшей на подиумах морды, и ставшей до того мультибрендовой, что даже Медуза Горгона из-за неё начала страшиться за свой безупречный вид. И это нечто совсем другое.

Хотя кого сейчас волнует что-либо не касающееся себя или даже не самого себя, а того, что тебя представляет или же уже ты сам представляешь.

Так, к примеру, костюм по цене машины, взятый в кредит ищущим своих лёгких путей к сердцам особ женского рода, редактором отдела светских новостей под фонтанирующим именем Теодор, подающим не только надежды, но также кидающим всякие комплименты в лицо дамам бальзаковского возраста и сальные шуточки им в спину, разве не занимает теперь все его мысли? А ведь этот костюм должен был проложить свой мысленный путь к сердцам, как безголовых молодых особ, так и обеленных возрастом, но украшенных бриллиантами и красками, увлажненных кремами, подтянутых и не только физическими нагрузками, отягощенных накоплениями на боках и на счетах бизнесвумен.

И ничего, и у Теодора всё равно всё отлично.

Ну а другая покупка, покупка новой машины редактором отдела политики, на которой он из своих политических соображений подвёз на работу лишь тех своих коллег, кто приближён там к чему-то влиятельному. Конечно, очень здорово и говорит о том, что у редактора отдела политики на этом стратегическом для себя направлении, всё идет просто отлично (Из политических соображений и по рекомендации имеющих опыт в подобных делах, имеющих вес товарищей, значение употребленного слова «отлично», идёт вместе со связкой «от других», что совершенно не значит, что у него всё зашибенно здорово, а значит всего лишь то, что он как индивидуальность имеет своё право на самовыражение).

Но так или иначе, а у политредактора для виду тоже всё отлично. Вот только у неллицемерного Алекса не всё так отлично.

И вот когда у вас всё не только из рук плохо, но в некоторой степени окончательно суицидально, то чем бесстрашнее вы выглядите, тем вы более жутко смотрите, неся в себе большую потенциальную опасность для всех вас окружающих.

Ну а вчера Она своим «Не быть», не только раздавила его, но и тем самым нанесла на его душу свою печать отверженности, которая несёт в себе бесконечность непримиримости своего ненавистного для себя положения, требующего от тебя непреложных изменений.

– *И я видел, что Агнец снял первую из семи печатей, и я услышал одно из четырех животных, говорящее как бы громовым голосом: иди и смотри. Я взглянул, и вот, конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он как победоносный, и чтобы победить.* – Кто-то с утра слишком призывающе откровенен с накачавшимся кофеем и горечью осознания конечности своего бытия Алексом, так и не сомкнувшим всю эту ночь своих глаз.

Чего сидишь и хлопаешь глазами? Запрягай лошадей! – Заторможенность не предпринимавшего никаких действий Алекса, заставляет повысить голос его побудителя к действиям. После чего Алекс быстро проделывает все свои подготовительные к выходу на работу утренние гигиенические дела и, оказавшись в прихожей, где его ещё с вечера ждёт приготовленная им массивная сумка, решает перед своим выходом из квартиры ещё раз заглянуть в неё.

Алекс не спеша берёт собачку замка сумки, затем лёгким движением руки, с каким-то странным выражением лица, на котором сквозила вызывающая неприятное, сглатывающее горлокомком чувство ухмылка, расстёгивает сумку. После чего Алекс, удовлетворившись имевшей своё место в сумке и в его душе вещественности, закрыв и взяв сумку себе наперевес, ещё раз внимательно взглянул на зеркало и, увидев в нём то, что хотел увидеть, со всей своей решительностью направился к выходу.

– Чума моего дома падёт на ваши пока ещё не седые головы! – Протрубил зов в Алексе, подошедшем к зданию редакции журнала, где он уже без малого пять лет трудился фотокорреспондентом.

– Теперь у них появится возможность не только написать от первого лица, но и запечатлеть у себя в голове. – Алекс, взявшись за ручку двери, определенно усмехнулся такому, как оказывается не лишённому продуманности характеру его действий, где он выступает как хроникер и участник всего этого действия. Но Алекс, войдя в здание редакции, вот так прямо, выстрелом из «Сайги» в лоб зевающему охраннику, не собирается через его труп посвящать всех работников редакции журнала в свои душевные переломы.

– Не зевай, лови пулю! – Вот так с ходу, Алекс не заорёт на эту сонную тетерю, после чего у того и шанса не будет не поймать эту разрывающую его рот на части пулю. А он всего лишь спокойно поздоровается с Петровичем, против которого он ничего не имеет, и который, не обратив никакого внимания на эту несомую Алексом с собой габаритную предвзятость, без проблем пропустит его через турникет на его рабочее место.

«Нет, не всё так сразу, и каждый для себя заслуживает особого подхода», – смотря на свою сумку у себя в кабинете, бормочущий про себя Алекс решает повременить и для начала пройти по коридорам и кабинетам редакции, чтобы навести свою персонифицированную диспозицию ненависти к этой, как любит говорить главный редактор, нашей общей семье.

– Что ж, от любви до ненависти сколько там шагов? – Алекс, выходя из своего кабинета, начал расчётливо прикидывать своё шаговое расстояние до первой по его ходу двери так любимого им отдела новостей, где так любя свою работу и себя в ней, трудятся всеобщие любимцы издательства, а, главное, высшего звена местной вертикали власти – эти новостники, которым сам бог или должность велели быть первыми среди первых.

– Ну что, сволочь, ты готов встретиться с праотцами? – Алекс, решив не церемониться, что, в общем-то, было под стать и отвечало образности поведения каждого из сотрудников, работающих в этом отделе, с ходу выбил дверь, соединяющую их отдел с коридором, и тем самым поставил всех здесь присутствующих перед фактом своего явления, которое несло им своё новое, определенное этим явлением Алекса мироустройство. Что, правда, произошло лишь только по прошествии их первого шока, ну а пока что первореакционно, они были поставлены в свои замершие, не очень-то удобные и деликатные позы (любой стоп-кадр, выхватыва-

ющий промежуточное состояние движущихся лиц, выдаёт на поверхность скрытую преднамеренность поведения лица, которое на эту поверку не всегда лицепривно).

Так глава отдела и по совместительству замглавред (по местной сарафанной классификации – Загар) Серветовой Аристарх Витальевич, до этого ошеломившего их момента, до появления Алекса грозно взирал на свою редакторскую команду, занявшую свои раскрепощенные места вокруг него, стоящего в центре офиса и держащего в руке чашку горячего кофе, через глоток которого он любил отправлять в головы редакторской группы свои редакторские послы.

И кто знает (чем ближе к источнику несущему разглагольствования, тем ниже понимание того, чего он там несёт, так что близстоящие к Загару коллеги по его отделу, можно сказать, были сами себе на уме, без чего надо заметить, в этом отделе невозможно было выжить), о чём шла речь в этом отделе в этот судьбоносный момент, что, в общем-то, для Алекса, ворвавшегося к ним со своим внеочередным очень категоричным вопросом, не имело никакого значения.

И, наверное, не будь у него в руках такого убедительного огнестрельного аргумента, то этот Загар, скорее всего, послал бы его куда подальше. Но сейчас, когда эта глубина ока ствола зримо глядится в душу каждого из присутствующих людей, которые, не смотря на то, что имеют своё разное пространственное положение в кабинете, тем не менее, считают, что это око определено направлено на него. Отчего каждый из них не смеет игнорировать его и, уставившись на этот факт зыблимости существования всякой твари, начинает прокручивать в голове все свои заслуженные прегрешения, за которые ему вот сейчас и придётся отвечать.

– Я, бл*дь, так и не понял вашей позиции по материалу Немировича, – Грозный Загар, таким панибратским образом, обратился ко всем и в частности к самым ответственным и доверенным или просто к своим любимчикам – Антону, Андрону и Алисе. Говорят, что Загар, стремящийся во всем быть первым, в соответствии с этим и подбирал к себе в команду сотрудников. Где отбор происходил не только исходя из их личных и профессиональных качеств, но наряду с ними, претендент на место в отделе новостей, проходил целую тестовую систему, разработанную Загаром, где даже имена сотрудников должны были соответствовать своему именному первоначалу.

Но тут Загар вдруг неожиданно для себя, не рассчитав место своего ротового приложения к горячей чашке кофе, вдруг обжётся.

А спрашивается, когда такие случаи бывают ожидаемыми?

– А в случае перепоя! А? – не ожидая от себя такой информированности, обалдел от такой неожиданности тот туалетный читатель, любитель перепоя, а недопоя, который уже смирился со своими утренними ручными потрясениями.

Что же касается Загара, то кому понравится такая обжигающая теплота отношений с чашкой. Ну а для сглаживания полученного ожогового ущерба для себя, приходится прибегать к повышенной вентиляции этого места своего ожога. Что и вылилось в замечание Загара, с которого он решил начать свой многоветренный и много-векторный путь ведения утренней рабочей летучки.

Ну а пока Загар обдувает свою губу и язык, эти его приближенные, три «А», вытянув свои лица, очень ответственно реагируют на этот его запрос к ним.

– Сколько веревочке не виться, а правда всегда найдёт для себя выход. Так что это был лишь вопрос времени, когда ты сам признаешься, кто ты таков есть на самом деле, – Антон благоговейно и смиренно глядящий на Загара, тем не менее, в своих мыслях был не столь добродушен к своему, пока ещё начальнику, который, по его мнению, уже давно засиделся на этом своём тёплом месте, и которое пора бы уже уступить более достойным, в коих он, отбросив всю редакционную шелуху, видел только себя.

– А моя позиция такова: дать бы тебе хорошенько в твою рожу, красную от возлияний, а не, как ты говоришь, волеизлияний, – подумал Андрон, всегда и во всём несколько оппозиционно настроенный к подавляющим его волю и сознание административным барьерам, чьим олицетворением для него были все начальствующие лица, от которых разве можно дожидаться хоть какой-то демократичности поведения. И даже Загар, всегда отмечавший Андрона среди всех, и часто звавший его к себе домой на попойки, и то своим демонстративно-начальствующим поведением за столом, где каждый имеет своё право на лицевые и даже нелицеприятные высказывания, не давал ему свободы самовыражения, заставляя Андрона держать себя в руках и смеяться даже над теми шутками Загара, в которых он не видел ничего смешного.

– Поди в кофе себе коньяка добавил и теперь куражится. А мне после вчерашнего только сдохнуть охота, – Андрон, стоящий у кулера с водой, вливает в себя уже третий стакан воды, который так и не приносит ожидаемого облегчения для Андрона, который этим своим домыслием всё-таки дал некоторые основания для понимания такой, как оказывается, не случайности обжога Загара.

– Опять этот алкаш не даст мне слова, а отодвинет в самый зад, – шипит, глядя на всех сразу шустрая Алиса, которая, не смотря на всю свою рыжесть в купе с красотой лица и зада, энергичность и заряд своеволия, так и не может задвинуть собой этих хмырей Андрона и Антона. Они, как она считает, только благодаря своей мужской природе и имеют вес здесь в этом отделе, где в основном она и пашет, а они, нашедшие нужный подход к луженой глотке Загара, заливая её умело, этим пользуются для продвижения своих на коленке написанных передовиц.

– Вот был бы на его месте молодой, то уж тогда у этих кадров не было ни единого шанса противостоять мне, – Алиса, облизнув губы, посмотрела в глаза какого-то суперактивного, с голым торсом молодчика, глядящего на неё с плаката Пирелли.

– Я не понял, почему мы молчим, – не услышав должного ответа, Загар, полный огорчения, незамедлительно решил передать его всем присутствующим, повысив свой голос. Но тут вылетевшая от удара дверь, тут же внесла свои коррективы в этот насыщенный кофеем и придирчивостью Загара разговор. Который, получив свой новый заряд энергии, тем самым очень сильно ускорил необходимость принятия ответных решений для всех участников этой дискуссии, где всякая задержка могла привести к плачевным результатам.

Примером чему послужила нерасторопность присутствующего здесь стажёра Виталика, в чьей компетенции находилась очень важная часть любого творческого процесса, принести то, не зная что. Где всякая думающая голова, не имея полноценной возможности держать при себе всю нужную демонстративную часть материалов, всегда чего-нибудь из них да забывает у себя или в каком другом месте, которые просто необходимо предоставить на редакторский суд, что собственно на себя и берёт этот стажёр, быстро посылаемый к чёрту за этой необходимостью. В общем, стажёр сочетал в себе функции мальчика на посылках и для биття, так сказать, два в одном. А ведь платят, как за какую-нибудь неполноценность.

Ну так вот, этот стажёр, видимо, находился с утра в своём должном месте у двери, в прилежно сконцентрированном на себе состоянии, которое у всех этих ещё непуганых стажёров есть результат их не совсем должного, непонимающего осмысления своего места в этом творческом процессе (какой вход «платят», такой и выход «усердие»). В общем, этот стажёр Виталик, как всегда, с открытыми глазами кимарил и, наверное, в случае словесного обращения к нему кого-либо из присутствующих он только со второго упоминания его рабочего (настоящим никто не удосуживался интересоваться) имени («Эй, стажёр, ты чё, уснул что ли?!»), возмущенно отреагировал бы: «С какой это стати?!».

Но на этот раз такой резкий вылет двери, в радиусе которого оказался этот дремлющий стажёр, своей весьма жёсткой размашистой встречей с носом стажера, по всей расквасистой видимости физиономии, только и успевшего до своего падения визгнуть стажёра, не

предусматривал дополнительных уточняющих вопросов. Ну и ко всё понявшему с полуоборота двери стажёру, так и ко всем другим присутствующим в офисе сотрудникам, быстро уловившим сегодняшней зубодробительный тренд, сразу пришло понимание того, что для каждого из них найдётся своя дверь или тот же косяк.

– Ну так что, мы молчим? – теперь уже задался этим сакраментальным вопросом Алекс, обращаясь к Загару, который на автомате, как тёртый калач, во избежание не только криво толков, но и для того чтобы не выдать всех своих редакторских тайн, решил заранее купировать эту проблему, засунув свой язык в чашку кофе. Так огненная горячность кофе, должна была обжечь и напрочь нейтрализовать функционал его языка, лишив его возможности ведения откровенных разговоров. Хотя, возможно, Загар, просто дёрнувшись от неожиданности, таким неосторожным образом бесчувственно прикипел к своей чашке с горячим напитком. Что ж поделать, когда в каждом человеческом поступке хочется видеть хоть какой-то героизм.

– Что, язык проглотил что ли? – вопросительное предположение Алекса было не слишком далеко от правды, в которой пылание языка Загара было сродни этому явлению.

– Алекс! – вдруг прозвучавший голос сумевшей первой собраться Алисы, вывел его из своей задумчивости и быстрым шагом вернул его обратно в свой кабинет, куда и заглянула эта Алиса.

– Чего? – только и сумел ответить встрепенувшийся Алекс.

– Чего-чего, – Алиса передразнила Алекса, – ну ты идёшь на летучку? – Алиса, насладившись этими заминочными видами Алекса, который было видно не совсем понимал, чего это её «чего» значит, и озвучила ему то своё, для чего она собственно, к нему и заглянула. После чего, не дожидаясь Алекса, развернулась и, не закрывая дверь кабинета, оставив Алекса наедине со своими взаимопониманиями с фантазиями и предваряющими их мыслями, смущающей мужские умы походкой направилась по коридору туда, куда было не важно взиравшим ей вслед носителям брюк, в число которых также входил и Алекс, не решившийся пропустить такие демонстрационные виды этого апологета женского начала.

– А чего собственно она ко мне заходила? – Зачесалась запоздалая мысль в голове Алекса. Что и говорить, но реалии жизни (тем более такие вызывающие и сбивающие вас с мысли) своей вящей натурностью не могут не отодвинуть на задний план все те, как вам совсем недавно казалось, слишком серьезные и безотлагательные вещи. И хотя, как утверждающе считает природа, у каждого объекта противоположного пола имеется то своё, на что стоит посмотреть, всё-таки у некоторых представителей или представительниц, в своём показательном арсенале имеется несколько интересно больше этого своего. Что и заставляет с придыханием не сводить с них своих частично завистливых глаз. Что же касается Алисы, то она можно определенно сказать, через свою иксовость строения ног, очень уж отъявленно позиционировала себя с женским началом, выставляя на всеобщее обозрение свою приверженность к этой основополагающей X-хромосоме.

– А мне плевать на эти современные эталоны красоты, – заявляла Алиса, с вызовом надевшая на выход короткую юбку, из-под которой на свет смотрели её крест-накрест ноги.

Правда она всё же с ревностными нотками в голосе, со злостью смотрела вслед прошедшей мимо неё обладательнице очень высокого в ногах, такого природного казусного предпочтения перед ней.

– Ничего, этот крест не такой уж и тяжкий, – смеялась она не слишком искренним смехом, глядя на ещё одну стройность и прямоту, которая слишком долго и высоко длилась у встречающей в приёмной главреда секретарши Анжелики. Которая своим вызывающим, нет, не поведением, а видом, сбивала с мысли всякого сюда входящего. И у посетителя уже ничего, не то что надежд, а в голове не оставалось при взгляде на неё. Что, надо заметить, не слишком-то способствовало творческому процессу, кроме разве что поэзии (но журнал – это вам не поэтический кружок, так что стихоплётство здесь неуместно).

– Не переживай, – Алексу частенько хочется утешить Алису, прижав её к груди, – у неё и мысли такие же прямые, как и всё остальное, – своим заявлением, Алекс, наверное, ещё больше расстроил бы Алису, для которой ещё её первоначало не потеряно и, значит, такая слепота Алекса насчёт этой затмевавшей всякий ум стройности ног, не может её не беспокоить.

– Да пошёл ты, – Алиса сгоряча послала Алекса и, скрывшись там вдаль, за поворотом, тем самым вновь вернула Алекса в свои кабинетные пенаты.

– Ничего, меня так просто не собьёшь с мысли, – придя в себя, Алекс жёстко отреагировал на этот, хоть и выдуманный, но всё же дерзкий посыл ему Алисы, затем убрал сумку в шкаф, после чего, дабы выказать своё непримиримое к словам Алисы отношение, решил быстро пройти мимо новостного отдела и сразу же навестить главреда Касторыча, чья изящная входная дверь с его именной табличкой на ней, ведущая в его кабинет, не только была тем Римом, куда вели все дороги всех редакционных служащих, но и в некотором роде олицетворялась с нерушимостью и вечностью этого единоличного мнения Касторыча, которое здесь, под этими стенами, считалось последней инстанцией, где апелляцией на него мог служить лишь ваш увольнительный уход вон.

Так что не было ничего удивительного в том, что у многих коллег Алекса, не обладающих такими массивными дверями, при упоминании им о своей работе, в голову сама по себе лезла эта внушающая трепет дверь главреда Валериана. Тогда как у менее зависимых от редакторского диктата, называемого редакторской политикой, работников журнала, к которым и относился Алекс и ещё пара тщательно законспирированных оппортунистов из отделов спорта и Интернета, для которых специфика их приложных задач не заставляла их противопоставлять своё мироосознание с руководством к действию главреда, так вот для этой рабочей группы двери Касторыча служили тем дворцовым символом, который, как и в семнадцатом году, необходимо было взять штурмом (всем нужен свой сигнал к действию наподобие выстрела «Авроры»).

– Ну а как же тогда дверь генерального директора журнала, этого ставленника и любимчика издателя, которая своим размахом куда массивнее и шикарнее, чем эта, так себе, ведущая в этот мозговой центр редакции дверь главреда? – нежданно, а ожидаемо, заявит о себе представитель другого центра силы редакции, генерального директора, какой-нибудь однозначно всезнающий матерый роялист. Но в том то и дело, что каждая из дверей, Геныча (так своеобразно и дерзновенно звали гендиректора, правда, только в очень своём узком кругу, во время своего распоясывания и совместных застолий, работники редакции), или Касторыча, несла и определенно отражала в себе суть того, кого она таила в глубине этого кабинета.

И если Геныч, определяя хозяйственные вопросы редакции, отражал в себе всю материальную обустроенность, которая, конечно же очень важна и в случае не должного понимания целеустремлений работников, скорее всего приносит для них лишь материальный дискомфорт, ведущий лишь к брожению умов, то в случае с Касторычем, который отвечал за творческую константу журнала, которая не терпела редакционного инакомыслия, складывалась такая ситуация, что умственное брожение сотрудников журнала время от времени достигнув своей критической массы, было уже готово вот-вот взорваться вследствие такого не учёта твоего мнения – а этого не учитывать себе дороже. Что, наверное, и становилось тем катализатором, который вынуждает предубедительно смотреть на эти двери Касторыча, за которыми он прячет не только своё лицо, измождённое лицоблюдством и потаканием его мнению со стороны подхалимов из числа сотрудников журнала, число которых, не смотря на сокращения, либо расширения редакторского состава, всегда соответствует своей нормативной необходимости.

И как в этом бесконечно уверен Алекс, то встроеном в стенку кабинета сейфе, находящемся прямо за портретом президента, висящего за спиной Касторыча, тот прячет в ящике свою душу. Которая освободив своё место в его теле, приводит того на радость издателю и его

акционерных партнёров к такому бездушию во всех своих мыследвижениях, что окончательно ведёт информационную политику их журнала к гепатиту «А».

– Захватить его врасплох, и тогда возможно получится вырвать из застенков его душу, – Алекс зачем-то хапанул в себя приличный глоток воздуха, затем решительно нащупал в кармане пистолет, который, придав ему уверенности в себе, втолкнул его в приёмную главреда. Ну а там, как и следовало ожидать, проход предваряла охрана в виде женского батальона, олицетворением которого была эта неприступная Анжелика, чей слагательный вид уже на самых подступах к кабинету Касторыча, разил зашедших в приёмную посетителей наповал, превращая их в немые, с выкатанными глазами овощи.

– Главное не смотреть на неё и ничего не говоря, быстрым шагом пройти до кабинета Касторыча, – Алекс заметил на своём пути этот ощетилившийся длинными ресницами бастион в виде Анжелики, готовый своей грудью встать на защиту Касторыча, от чьего места зависела теплота её места, быстро опустил свои глаза в пол, для того чтобы не сбить себя с мысли, и быстрым шагом, почти что на ощупь, стал пробираться до этих проклятых дверей Касторыча.

И кто знает, чем бы закончился этот хитрый маневр Алекса, если бы на его пути встали эти шлагбаумно-длинные ноги Анжелики, которая к удаче для Алекса, в этот момент находилась у себя за столом. Где она с остервенением и натужным вниманием занималась своими ногтями, которые, ломкие такие, начали её сердечно беспокоить.

Но как не видно было Алексу, ему повезло, и он, уже ничего не видя и слыша только звук своих туфель, ступающих несколько тише, чем он всегда ступал ими на пол, наконец-то, достиг своей цели – двери Касторыча, которую он тут же незамедлительно открыл. После чего проникнув внутрь, только и успел как развернуться, где сразу же сходу натолкнулся на кого следует, а именно на Касторыча, который, будучи хозяином своего кабинета, был волен перемещаться по нему, куда ему желалось. А Касторыч в этот неожиданный для себя момент видимо решил потянуться, для чего и подошёл поближе к дверям. Где, как оказалось, не столь безопасно стоять, да и вообще может ждать всякая неожиданность, или того хуже, неприятность.

Ну а Алекс на этот раз не растерялся, вернее сказать, ему уже некуда было деваться, оказавшись не просто вот так прямо лицом к лицу с Касторычем, а в некотором роде даже соприкоснувшись с ним носами. Где на Алекса вот так, с десяти сантиметров смотрели обалдевшие от такой наглости глаза Касторыча, готового уже обрушить на Алекса своё праведное возмущение. Этого, конечно же, Алекс не мог ему позволить, упредительно опередив его своим словом:

– Где, падла, ключ от сейфа? – обрушил, или будет вернее сказать, ткнул коленкой Алекс снизу в пах Касторычу, что сути не меняет всего этого демонстративного дела, приведшего к обрушению основ его мироздания. Которые (основы) получив этот вероломный исподтишка удар, зазвенев у него не только в ушах, подкосили его ноги и заставили рухнуть на пол.

Я тебе сейчас покажу Ника, – Алекс, не смотря на всю эту поверженность Касторыча, не собирается ловиться на все эти уловки своего противника и, не спрашивая того о его желании видеть или не видеть, добавочно сотрясает его мозг парочкой словесных и физических ударов, которые, судя по ответному качанию головой Касторыча, достигли своей цели. Хотя это возможно была только внешняя и всего лишь видимая рефлекторная реакция этого хитреца Касторыча, который, пустив все эти свои сопли, так совершенно и ничего не понял, в каких разумных и располагающих для взаимопонимания целях, Алекс предварил своими ударами разговор с ним по душам.

– Ещё раз спрашиваю, где ключ от сейфа? – Алекс, наклонившись к Касторычу, своим вопросом определенно заставил того недоуменно задуматься. – Значит, ты, гад, собираешься упираться? – задался вопросом Алекс.

Но тот всё молчит. И Алекс, не дождавшись ответа от Касторыча, приподнялся и пошёл в сторону висячего над креслом хозяина кабинета портрета президента. Ну а пока он следовал к своей цели, Касторыч, оставшись наедине со своими мыслями, пытался сообразить, что к

чему и как так может быть. Что было не так уж легко, когда его мысли так спонтанно собрались в кучу. И он так и не отыскал среди себя ответа на этот натужный вопрос совсем с ума сошедшего Алекса. Что, наверное, было единственным объяснением Касторыча самому себе этих действий Алекса, который требовал от него какой-то несуществующий ключ от какого-то сейфа. Да он ему уже давно не нужен, когда он перешёл на безналичный расчёт, а вот номера счетов от него, хер тебе, не дождёшься.

Что же касается Алекса, то он, отодвинув портрет президента в сторону, к своему удивлению не обнаружив там ничего похожего на скрытый сейф, выразительно посмотрел на Касторыча, который, как и предполагал Алекс, не собирался бежать (почему у Алекса была такая уверенность, трудно сказать.).

– Ладно, – сделав свой вывод, Алекс вновь вернулся к Касторычу, который, заметив перед собой появление Алекса, вдруг осознал, что он своими мудрствованиями упустил шанс на побег, и что теперь на него наверняка посыпятся новые неудобные вопросы.

Что ж, на этот раз он точно неперемудрствовал, и Алек, действительно вновь обратился к нему за разъяснениями:

– Я смотрю, ты продуман, сейф перенёс, – усмешка сопроводившая сказанное Алексом, не очень-то понравилась Касторычу, который так и не понял, о каком таком сейфе ведётся речь.

– Какой сейф? – Касторыч своим отрицанием однозначно делает из Алекса дурака. Что, конечно же, не только не разумно так делать с его стороны, ведь такая дерзновенная наглость, однозначно сбивает сердечный ритм вопрошающего и заставляет его непроизвольно нервничать, задевая своим вызванным этой сбивчивостью выбросом энергии выступающие детали лица Касторыча, который, получив оглушающие аплодисменты по своим ушам, был вынужден глубоко задуматься над своим неподобающим поведением.

– А такой сейф, где ты, тварь бездушная, прячешь свою душу в яйце, – Алекс, схватив Касторыча за шею, проскрипел ему прямо в ухо это своё уточнение, которое, не смотря на свою удивительную фантастичность, уже не показалась Касторычу, получившему предварительный жизненный урок по ушам, таковым.

– Это всё он. – Касторыч, как человек крутящийся в таких сферах и клубах по подставочным интересам, где без умения выкручиваться из самых щепетильных ситуаций, невозможно выжить, находит для себя выход в перекладывании ответственности на того другого (впрочем, как и всегда), который не просто явно с чёрной душой, а, скорее всего, сам дьявол во плоти, взял и обманным путём впутал его во все эти махинации, о которых он знать не знал и духом не слыхивал. А эти они, ну те, кто недоволен своей кардинальной серостью, вынуждены были благодаря, хотя кого тут благодарить – совсем непонятно, так вот, они в виду такого своего незримого и малопривлекательного фактора существования, вынуждены вечно что-то там замышлять и затевать за спинами статистически думающих и живущих людей. Где в свою очередь такие люди, как Касторыч, верно служат им информационным проводником для озвучивания их позиций. И, конечно, Касторыч всегда в качестве отговорки, как это делают старшеклассники, пойманные с сигаретным запахом из-за рта, ссылался на то, что он просто рядом стоял, когда кто-то там всё это замышлял. И значит весь спрос с них, а не с него.

– Кто он? – Алекс определенно удивлён этим заявлением Касторыча.

– Ну он, – выдавливая из себя Касторыч, явно что-то темня.

– Не понял, – прохрипев Алекс, сжав шею Касторыча.

– Тот, чьё имя мы не упоминаем вслух, – ответ Касторыча показался Алексу очень сказочно знакомым, что неожиданно для самого Алекса, вызвало в нём какую-то радостную усмешку. После чего он вдруг интуитивно, не то что осознав, а каким-то образом увидев образность ближайшего пятиминутного будущего, свернув с этого своего целеустремленного хода дискуссии, ввёл в неё предусмотренный его провидением свой вопрос:

– Слышишь, Касторыч, сука, я уже пять лет как здесь на тебя батрачу.

Алекс, зная ответ, уже не столь внимательно ждал ответа, ведя свой разговор к своему логическому концу, или вернее началу, а со всем своим домысливаемым вниманием, всё так же взирал вслед за что-то слишком долго поворачивающейся за угол Алисы.

Впрочем, если сопоставить скорость всякой мысли с ходом движения любого, даже очень быстро ходящего человека, и спроецировать всё это на отражающую умозрительную поверхность, то можно ответственно заявить, что за это проходящее время, соответствующее вашему даже спринтерскому ходу по какому-нибудь коридору жизни, можно ещё не то надумать. Поэтому не стоит делать такие далеко идущие выводы о тихоходности перемещения Алисы по коридору, только основываясь на одном, а именно на быстротечности вашей мысли, умеющей столько всего нафантазировать.

– Нет уж, им так легко не отделаться от меня, – Алекс, переведя свой взгляд на висящее зеркало, находящееся у входа в кабинет, сразу же за вешалкой, сделал этот вывод для себя и для всех тех, кого он решил сегодня потревожить. – Они заслужили большего. Моего присутственного соучастия в их жизни, – Алекс, глядя в зеркало и определенно замечая и видя в нём кого-то того, о ком он вёл речь, всем своим грозным и нахмуренным видом предупреждающе нёс угрозу им.

Я вам ещё покажу, – Алекс, неопределенно высказавшись на счёт перспектив того, чего он там такого покажет, приступил к первому своему показательному шагу, расстёгиванию пуговицы на рубашке, находящейся в двух пальцах выше от его ремня на брюках, строго напротив его пупа, для которого, в общем-то, и были проделаны все эти его манипуляции.

И когда Он снял третью печать, я слышал третье животное, говорящее: иди и смотри. Я взглянул, и вот конь вороной и на нем всадник, имеющий меру в руке своей.

– Что ж, дуэтом посмотрим в ваши глаза, – усмехнувшись и подмигнув своей второй, а возможно даже своей первой умозрительности, считающей себя первоначалом этой жизненной ипостаси, понимания мира, пупу, Алекс таким словесным образом завершил свои приготовления к выходу из кабинета. После чего медленным шагом направился в сторону кабинета Касторыча, для того чтобы показав себя таким приоткрытым и взирающим на окружающих образом, заметить в смотрящих на него глазах то, что невозможно скрыть под их лицемерной улыбкой.

Глава 5

Безбрежность рабочего и полуробочего бытия

– И наконец-то, незаконченный, так с трудом нам дающийся роман о неконах – Определенное смысловой тематикой высказывания замечание Валериана, как казалось бы, не имеющее в себе ничего такого уж смешного, тем не менее вызвало смешки у собравшихся у него на летучке, не слишком дисциплинированных работников редакции, которым, как оказывается, палец покажи, они ржать начнут. Что, конечно же, для всякого строгого, неуверенного в себе и с отсутствием чувства юмора начальника, немислимо слышать. Но всё-таки когда на его месте находится иная властность, умеющая направить в нужное русло хаос мысли подчиненных, которым только такая образность мышления позволяет создавать приемлемый контент, то такое весёлое положение вещей не представляет для него опасности. И Валериан, не испытывая нетерпения, присоединился к смешкам, а уж затем, остановившись около Алекса, уже испытывая своё терпение, воззрившись на него, попытался одной своей начальствующей видимостью достучаться до того.

– Я смотрю, что у Алекса свой, как всегда особенный, сфокусированный взгляд на жизнь, и в частности, на рассматриваемую нами тему! – Касторыч, не дождавшись от Алекса требуемой реакции всполошенности, решил чудодейственным словесным способом напомнить тому, как о его присутствии здесь, а не там, в его сомнительном (любая фантазия не имеющая реаль-

ности воплощений, уже своим фактом неосуществления в данный промежуток времени, есть вещь сомнительная) мире воображения, так и о своём начальствующем положении, требующем от своих подчиненных внимательности и рефлекторной ответственности.

Ну а так как Касторыч слыл за большого либерала, то он, конечно же, позволял своим подчиненным иметь свою отдельную, правда, не выходящую за пределы основного направления редакторской политики точку зрения. Правда при случае, да и за просто так, Касторыч, как особа облачённая властными полномочиями, дабы они не заржавели, был не прочь их использовать на всю свою полную диктаторскую катушку. И он, ухватив, к примеру, того же Алекса за его волосы, с удовлетворением захочет добиться от него согласного кивания головой, которая в своей кивающей реакции, согласованной с направлением его ручных действий, постарается себя превозмочь, и каждый раз с восторженными звуками соприкасаясь с поверхностью прилегающего к ней стола, глубоким звуком будет отдавать своё почтение ему.

Но Касторыч всё же не зря поставлен на такой высокий пост, и он умеет унять в себе все эти не совсем позволительные для открытого выражения своей сущности желания. А так, при случае прихватив бутылку коньяка и пару находящихся в неслужебном к нему подчинении работников (а находящихся в подчинении у своих страстей), трудящихся на другой nive культуры, после рабочей смены расположившись у себя в кабинете, Касторыч уже сможет, заглушив коньяком свои принципы, в забытьи своих начал, к которым относятся его носки и брюки, дать волю своим так и рвущимся к деятельности деспотичным мыслям, которые действуя через его загребушие руки, дают им полную свободу для нелиберальных действий.

– Ну что, Алекс, скажешь? – Усмехнулся Касторыч, глядя на Алекса, который, вернувшись из очередной задумчивости, которая не способствует вниманию и запоминанию того, о чём идёт речь, и поэтому требует от застанного врасплох своих развёрнутых оправданий.

– Да ничего нового. Я не хочу выделяться, – ответил Алекс.

– Это, конечно, дерзко с твоей стороны – вот так прямо накладывать тень на свой коллектив, да и меня подобным хитроумным способом обвинять в экстрасенсорном умении вводить подчиненных в транс, – усмехнулся в ответ Касторыч, своим ответом вызвав шумную смешливость коллектива редакции.

Ну а поднявшийся шум в кабинете Касторыча, скорее всего и вызвал в ещё не полностью пришедшем в себя Алексе защитную реакцию, которая и получила от него соответствующее моменту словесное выражение. – Я не ищу лёгких решений и сицилианской защите предпочту защиту «А. Лехина», – Сказал Алекс. При этом Алекс не просто вот так ляпнул вслух слышанное им когда-то такое созвучное месту выражение, а ему вдруг вспомнился сюжет из одного выпуска «Ералаша», который, по его мнению, очень точно должен был отражать суть этой защиты «А. Лехина».

Так за шахматной доской встречаются большой любитель шахмат – некий очкастый тип, непонятно каким ветром его сюда занесло, и его соперник – бунтарского вида человеческий огрех, большой любитель иных подходов в решении своих насущных проблем. Где последний не долго думая, в ответ на первый же шахматный ход своего шахматного соперника, подвинул того на непереносимое желание заглянуть под стол, где тот к своему изумлению увидел ответный ход – так называемую защиту А. Лехина – кулак этого огреха. Что, конечно же, сразу сравнивает шансы этого шахматного гения и огреха, и ведёт в неумолимую победную сторону огреха. Но как говорится, на каждую защиту найдётся своя полузащита, и шахматный гений, на то он и гений, чтобы умеючи использовать имеющиеся в наличие шахматные средства, а именно рокировку, которая и привела на его место не менее сумрачного вида типа, чей огромный кулак под столом очень доходчиво объяснил этому огреху, что его коса нашла на камень, и заодно указал на то, что его «косо-бланкина» защита контрпродуктивна.

– Не понимаю, о чём это ты? – Споткнувшись о высказывания Алекса, недоумевавшая ответила ему Касторыч. Правда после беглого осмотра Алекса и обдумывания добавил. – Но давай уже, высыпайся дома, а не на работе.

– А ты значит, за меня не будешь высыпаться с ней? – Стиснув зубы, зло посмотрев на Касторыча, подумал Алекс, видя в Касторыче то извлечение урока из ошибок или ошибок из уроков, тьфу, совсем запутался, в общем, Касторыч был первым в списке претендентов на роль того советчика, который за свои советы теперь по полной программе ответит перед ним.

– Или тебе может быть кажется, что у меня и значит у тебя, на сегодня других больше дел нет, как... – здесь Касторыч в задумчивости замолчал, уставился на Алекса, затем почесав себя за ухом, вдруг ухмыльнулся и с улыбкой заявил, – а ведь и в правду нет. – Чем вновь вызвал улыбки у всей собравшейся сборной солянки.

– Вот только у меня, а не у тебя. – Засмеялся Касторыч. – Ведь мне в отличие от тебя нужно постоянно за тебя и за всех вас нести ответственность, что есть факт моей постоянной занятости. А это скажу вам, вещь сама по себе очень обременительная для моего сердечного клапана, который очень живо реагирует на всё то, что с вами происходит.

– Оттого ты к коньячку-то и пристрастился – переживаешь! – В неустойчивых и дерзновенных умах, которые всегда существуют в любом рабочем коллективе, пронеслась эта крамольная вопреки мысль.

– А происходит, как вы сами знаете многое. И за это как раз и отвечаю я. А вы ведь на этом не останавливаетесь, и в любой подходящий под ваши устремления момент, готовы вашего работодателя, а по совместительству благодетеля, – Касторыч сурово посмотрел на подчиненных, ища в их взглядах несогласованные и противоречащие его мнению поветрия, – обвинить во всех своих грехах и, бросив на произвол судьбы, уйти в другое информационное агентство (тяжёлая пауза).

– Но я всё-таки не снимаю с себя ответственности за тебя, хриstopродавца, и если покаешься, то не оставлю тебя и дам тебе хоть какую-нибудь да работу, – Касторыч вновь вернулся к Алексу и, улыбнувшись, вернул благодущие в атмосферу редакторского кабинета. После чего Касторыч вернулся к своему рабочему месту, для виду порылся в бумагах и, не найдя или может найдя что искал или не искал, в общем, не важно, сделав конструктивный вид, обратился к Алексу. – Значит так, тут ваш фантаст звонил...

Заслышав упоминание фантаста, вместе с ушками на макушке подтянулась вверх Алиса. Тут Касторыч, вдруг что-то вспомнив, посмотрел на Алису.

– Ах да, Алиса. Это и к тебе относится. Так вот, он чуть ли не требовательно просит вас приехать к нему. Вы что, разве не закончили с ним? – спросил Касторыч.

– Да вроде бы всё, – пожал плечами, ответила Алиса.

– Ну, не знаю. Он говорит, что самое важное осталось недосказанным, и что перед выходом в свет его интервью, ему необходимо ознакомиться с текстом его интервью, – уже советуясь с собой, вслух размышлял Касторыч. – Ладно, ничего не поделаешь, раз я обещал Алексу и этой писательской глыбе... – Касторыч перевёл свой взгляд из себя на Алекса. – А ты, Алекс, наверное, нашёл с ним общий воображаемый язык, раз он так желательно просит тебя видеть? – спросив, Касторыч вновь ухмыльнулся, после чего посмотрел на Алису и обратился к ней. – Давай Алиса, бери свой штатив и езжайте к фантасту, – чем заставил зашевелиться мысли Алисы и Алекса.

Где у Алекса не в пример Алисе, при несравненно одинаковой скорости мысли (такие высокие скорости бытия сложно измеримы и поэтому пока что имеют обозначительно-оскорбительные – тугодум, ветер в голове – именованья, нежели точные измерительные характеристики), его размышления даже не простирались, а заглядывали несколько дальше чем у неё (как в последствии выяснится, всё не так – всё-таки мысль штука мало изученная, и Алиса не меньше чем и он думала об этом странном человеке). И как результат, мысли Алекса вернули

его к этому фантасту, который во время своей прошлой встречи с ними, пришедшим к нему брать интервью, очень даже живо заинтересовал его.

Глава 6

Последний из поколения человек

Кто я? Раньше бы я легко ответил на этот не слишком сложный вопрос. Но сейчас... Сейчас, пожалуй, нет. И если я даже и найду подходящий ответ на этот вопрос, то от меня, пожалуй (в наш век патентов), ещё потребуют доказательств и аргументаций для этой своей высказанной уверенности, которых мне, скорее всего, и не сыскать. И я под валом аргументаций, исков и заявлений высококлассифицированных специалистов, буду вынужден признать, что мои, по их мнению, слишком многоговорящие утверждения, несут в себе плагиат и копипаст. Так что прежде чем что-то утверждать, было бы разумно заглянуть в административный кодекс, затем в патентное бюро и напоследок в орфографический словарь, где чётко чёрным по белому обозначена принадлежность всех мною употребленных слов такому-то языку. Ну а если я буду его использовать в своих частнособственных целях и, скорее всего, не по назначению, то ведь всегда можно лишиться этого, не как нужно и не по назначению используемого инструмента. Что ж, что сказано, то сказано, ну а мне только и остается делать, как прикусить язык той говорливости, в предупредительность которой мне пожелалось верить. Ну, да ладно, чёрт с ним.

Так кто же всё-таки я? Скажу так, я последний из оставшихся в живых моего поколения выпуска 19** года. Это может показаться странным (хотя почему), но я не самый старый человек на свете. И я, можно сказать, по возрасту ещё многих моложе, но тем не менее, это не отменяет того факта, что из нашего годового выпуска, я остался последним и единственным представителем. Почему так получилось, трудно сказать (я не про себя, а о преждевременной, в сравнении с более старшим выпуском, законченности моего поколения). Кто знает, может быть наш выпуск был признан не слишком удачным или имеющим в себе некую дефектность, которую там сверху, в конструкторском бюро творца, решено было срочно исправить, для чего собственно, и потребовался наш срочный отзыв обратно.

Претендовать же на какую-то уникальность в полной мере значения этого слова, наверное, может лишь тот, кто является сам творцом. В нашем же случае, мы всего лишь детализация смысловых намерений кого-то там, кто через свой инструмент, природу, облакает свои мысли и смыслы в человеческую форму, которая при всей конвейерности сборки и выхода в свет, всё-таки имеет поштучную, свою отличительную внутренность, называемую индивидуальностью, чья начинка в виде эго, в свою очередь, и претендует на свою уникальность.

И ведь как бы мы не утруждали себя размышлениями, в своих бедах ссылаясь на всевышнее провидение, которое своих замыслов не раскрывая, таким своим таинственным способом, ведёт нас к своей какой-то цели, до понимания которой нам не то что далеко, но и близко не видно. Так вот, не смотря на все эти преимущества вселенского разума, ему, судя по всему, тяжело без вспомогательных элементов и никак не обойтись без нас. Тем не менее, раз он, поделившись, наделил нас крупницей своего разума, то видимо он нуждается в нас. И дабы мы уж совсем не заплутали в потёмках, даёт нам свои подсказки, на основании которых мы можем как-то ориентироваться в этой жизни. Так вот, получив инструмент познания – разум, и его инструментарий в виде логического рассуждения, можно было не вставая с места, приступить к рассмотрению факта обретения своего я, нашего выпуска, поколения 19**.

Но что по своей сути есть поколение, кроме этих всем известных общих научных формулировок типа – общность людей и объектов, живущих в своей совокупности времени, генетики и другой общности интересов. По мне так, то это есть мобилизационный провидением отряд, созданный для проведения в жизнь востребованных временем решений высшего разума. Ну а

что и какие это могут быть решения, то об этом мы может только догадываться и, исходя из врученного нам в соответствии с временным промежутком прожить разумом, чьи размеры по сравнению с неандертальцем, уже не столь малы, но ещё недостаточно размерны для того чтобы понять свою суть (чего уж говорить о более существенных вселенских вещах), делать свои предположения и выводы.

Ведь если исходить из того, что единица времени соответствует определенному состоянию материальности жизни и его пространственному положению в мире, где концентрация единиц живого и неживого объекта находится в своей неизменной полноте, то вполне вероятно, что могло так случиться, что в какой-то момент произошла мировая разбалансировка сил, и мир оказался на грани своего краха. Что и потребовало своего немедленного вмешательства. Ну а задачи по выполнению всего этого упущения, и были возложены на своё своевременное поколение, которое, получив свой, согласно времени разумный инструмент, и должно было навести свой порядок в мире.

Ну а какой порядок? То, не имея в своих головах расширенных полномочий и, понимая суть вещей только на уровне своего интеллекта и его обзорности, конечно, трудно давать ответы на столь несоразмерные своему разуму вопросы, которые находятся в компетенции лишь тех, кому это по его, Атлантову плечу и Демиургову разуму.

Впрочем, имея хоть и крупицу разума, всё-таки можно предположить, что от нас в итоге требуется – скорее всего, мы в свой временный промежуток жизни, должны отбалансировать мировую упорядоченность бытия. Что и является основным посылом для любого поколения. Ну а так как общие вопросы нам не подвластны, то наш взор автоматически направляет всё своё внимание на частности, в которых уж мы-то, как никто другой, имеем не только значение, но и должны разбираться. И если уж быть совсем внимательным, то как говорил один Козьма, следует зреть в корень, а именно – более усидчиво посмотреть на то, что осталось вне нашего внимания, рожденных в 19** или в любом другом году людей; что по сути не важно (все детали и частности, приведшие нас в этот мир, всего лишь отличаются, так сказать, элементарной концентрацией тех или иных веществ, в этом держащимся на балансе сил мире).

И как бы вся эта околонаучная рать, определяющая вашу жизнь по звёздам, с высоты своего чердачного положения, с умным и с моноклем в глазу видом не пыталась вас запричинить и затерминить, вызывая в вас тягу ко всему таинственному и неизвестному, вам не следует, поддавшись на их уговоры и послы к звёздам, уперевшись рогами (вы же козерог) в небесный свод, видимый вами через телескоп или же гороскоп его желаний, верить всему тому, что, как оказывается в итоге, не имеет для вас большого значения. Хотя, всё-таки надо отдать им должное, лучше, конечно, хорошей затрещиной или точным в заднюю часть посылом (чем верой, которая, чем звонче звучит монета, перекалываемая в их карман, тем крепче их убежденность в том, что только вера способствует благоденствию; правда, чьему, они так и не уточнили), их подход к жаждущим озарения, не малограмотен и очень даже психологически-основательно подготовлен.

Но ведь твой день рождения, по которому строятся все эти темпераментно-характерные астрологические предположения, есть всего лишь следствие чьего-то решения, а не причинность сама по себе, которой она станет уже для другого рода следствий. И понимание этого подследственного факта, заставляет нас перенестись назад, на тот временной период созревания плода, именуемый беременностью, и обратить наш внимательный взор на тот божий инструментарий, ваших родителей, чьими руками (ну вы поняли, что это только метафора) был заложен фундамент будущего поколения, или если говорить менее высокопарно и обобщенно, то устроена ваша жизнь. И если уж ваша привязанность к звёздам столь властна над вами, то вам, наверное, стоило бы навести справки и узнать в какой фазе на тот момент находилась Луна, после чего сопоставить взаимное расположение небесных тел (и только, а то некоторые нетерпеливые натуры, не умеющие останавливаться, пойдут дальше в выяснении столь дели-

катных вопросов) и уже на основании всех этих информационных данных, делать свои блестящие зодиакальные выводы.

Что же касается нас, то мы всё-таки не зря обратили свой взор на причину нашего появления, где все эти частные, а иногда одиночные желания и даже часто вовсе нежелания, в едином инстинктивном (умеет творец убеждать) порыве решились на то, что они даже и не предполагали, и о чём зачастую не догадывались.

Как, например, в одном самом обычном случае, где все ваши головные боли ушли на задний план и в одно мгновение перестали учитываться. А всему виной этот возбужденный выпитым в таверне, уставший от отказов муж. Который наслушавшись хвастливых речей своих сотрапезников, вдруг усвоил факт своего подкаблучного положения, который в трезвом положении его ещё может быть и устроил бы, но сейчас он, будучи в опасливом для косм и прядей жены состоянии, естественно, и слышать ничего не желает о каких-то там головных болях своей благоверной, для лечения которых у него приготовлено чудодейственное средство – звучный, под риторический вопрос: «Кто в доме хозяин?!» удар кулаком по столу. После чего у вошедшей в ступор благоверной (впервые за их семилетний брак) пропадает дар речи, и она, не оказав сопротивления, вынуждена прямо сейчас оказать честь своему кормильцу. Правда, уже через девять месяцев она переложила на него свою головную боль, выдав свой плаксивый ответ этому, прямо сказать, не слишком прозорливому умельцу.

– И какого эля я нашёл её? – Почесывая свой затылок, многозначительно, с долей растерянности в ногах, поглядывая на свою одновременно головную боль и сокровище, задался вопросом сей достойный муж.

– Не фильтрованное и крепкое, – звуком стаканов отдавалась ему эхо.

Или же в каком-нибудь другом, также в самом обыкновённом случае, когда какой-то самый что ни на есть рядовой студент, оказавшись в своём обычном безденежном положении, в одно и то же время испытывая нужду и не испытывая затруднений в наличии потенциала для осуществления любых растратных действий, которые не относятся в этой занудной нужде, вынужден тратить свой потенциал на то, чтобы противостоять ей. А именно заниматься различной подработкой, а когда её нет, то изыскивать средства каким-нибудь уж больно оригинальным способом, которые часто, ой, куда заводят.

И ведь что замечательно интересно, так это то, что естественный ход вещей или та эволюционная лестница, по которой движется этот, тот и всякий обычный студент, вечно балансирует между возможностями и желаниями, которые вечно друг друга дополняют. Так у него на одной чаше весов мысли помещается его материальный аспект, который ограничен шишем за душой, не позволяющим ему сильно разгуляться, а на другой чаше – его духовные устремления, готовые пойти на большие растраты для того, чтобы хоть как-то да материализоваться. Где он, исходя из своих ограниченных собой (в полном значении этого слова) возможностей, побуждаемый присутствующим в нём духом, начинает растрчивать себя по максимуму, что приводит, с одной стороны, к оскудению его духовных сил, а с другой, – уже к накоплению материального достатка.

Ну а материальный достаток не в пример духовному обладанию, не любит растрчивать себя и, конечно, не позволит это делать тому, от кого он зависит. И со своим временем обязательно происходит переоценка ценностей, и чаша весов склоняется под грузом достатка, который ощущается во всем теле уже давно не студента, а обладателя лысины и пуза степенного гражданина. Что в итоге приводит его к кардинальному решению, больше не расточать свои духовные силы, которых на всех не напасёшься. И теперь, когда студент получил материальные возможности и достаток, сколько душа пожелает тратить, он вдруг понял, что он не имеет никакого желания этого делать. И выходит так, что когда он не имел ничего за душой кроме самой души, то как раз в это время больше всего тратил, а когда получил возможности, то стал, наоборот, ещё более скуп.

Ну а пока эти истины находятся вне сферы понимания всякого обыкновенного среднестатистического студента, который приобщиться к ним сможет только через собственное достижение и постижение, то ему пока что некогда отвлекаться на всё это, ещё кто знает доступное ли. Пока же у него есть желание и духовные силы, то, пожалуй, наверное, есть шанс на то, что всё им задуманное, вдруг возьмёт, да каким-нибудь образом и осуществится. Для чего, конечно же, необходим начальный капитал, которого, как всегда в таких случаях, при наличии великолепной идеи и желания материализовать её, увы, почему-то нет.

А пока никто не хочет вкладываться в идейность обыкновенного студента, то он, как и все его соратники по студенческому делу, не имея ничего другого кроме себя, начинает растрачивать то, что он имеет, а именно то, что и было заявлено в начале предложения, а именно себя. И конечно, этот обыкновенный студент, как он считает, не так уж и обыкновенен и не столь уж прост (каждый человек уникален, вот только почему-то обрушивающиеся на них невзгоды не слишком разнятся, что есть оскорбительный факт для их уникальности, требующий ярко выраженных и индивидуальных невзгод), а все не простые и необыкновенные вещи и субъекты права, уже сами по себе должны быть очень востребованы, и как минимум вызывать вашу заинтересованность.

– Что ж, раз вы такой весь из себя необыкновенный, то может быть вы поделитесь с нами и более детально объясните, что всё-таки в вас есть такого, чего у других нет? И как это нами может быть использовано? – Тут же найдутся скептики, которые не любят верить на слово. И они, сидя за столом в какой-нибудь приёмной комиссии, поставив вопрос ребром, прижав студента к стенке, своим противным писклявым голосом зададутся этим, однозначно несвоевременным для студента вопросом.

И студент, скорей бы всего ответил бы на этот, ясно, что провокационный вопрос, будь он своевременным (ведь студент ещё находится на стадии поиска себя и своей исключительности, так что пока что в нём есть всего лишь потенциал, а эта такая вещь, которая не демонстрируется публично. Вот почему этот вопрос носит характер не своевременного). Но опять же, будь он своевременным, то скорее всего, он был бы уже запоздалым (вот такой выходит парадокс с этими зависящими от времени постановки вопросами, ведь всё и так видно). В любом случае, этот вопрос не имел для себя ответа, и студент, подсознательно чувствуя эту безответную истину, дабы его не сочли за невежду, только промывчал в ответ.

– Ну тогда, я посмею предположить, что ваша заявленная необыкновенность, есть та самая обычная черта, которая присуща каждому первому студенту, – не дождавшись ответа, посмеиваясь заявит скептик, потрясыванием своей академической бороды выведя из себя и из кабинета студента, решившего, что такое непризнание есть всего лишь отражение завистливости этих дряхлых умов, и что такова участь всякой необыкновенной личности, которую понять сможет лишь такая же необыкновенная личность, что и он. Ну а студент, как и всякая необыкновенная личность, естественно обладает не просто чувствительностью, а он обладает сверхчувствительностью, которая, разволновавшись от всего этого, основательно взявши рычаги управления над студентом, начинает руководить всеми его импульсивными действиями, которые теперь носят характер порывистости, с которой его и кидает в разные стороны, заставляя его совершать не то что необдуманные, а очень эксцентричные поступки.

– Я после своей смерти желаю за наличные отдать на исследования своё самое обыкновенное тело! – Огорошил себя студент, но никаким образом не смутил администратора, находящегося на стойке приёма одного из специализированных учреждений.

– В этом календарном году все средства уже освоены, – не отрываясь от монитора компьютера, дежурно ответил администратор. – Вот если бы вы предложили нечто необычное... – В задумчивости сказал администратор, после чего оторвал свой взгляд от монитора и изучающе посмотрел на осунувшегося студента. – Так в вас есть что-нибудь такое необычное,

чего не было бы у других людей? – Спросил администратор студента, который поёжившись от такого вопроса, с трудом и тише обычного ответил:

– Нет.

– Ну, вот когда будете отвечать нашему стандарту качества, то милости просим! – Улыбнулся администратор, который про себя решил, что он очень даже удачно пошутил.

Студент же побледнев развернулся и, с трудом передвигая ноги, направился на выход из этого мрачного учреждения. Но ему не суждено было прямо сейчас, на свежем воздухе, выветрить из себя все эти волнения, которые ещё в большей степени обратили его сердце вскачь. И как только студент оказался за дверями этого офиса, то ему на глаза попало висящее почти что напротив офисного входа рекламное объявление, сообщавшее, что буквально рядом, если проделать два шага до лифта, а затем совершить двухэтажный подъём наверх, то в таком-то офисе вы можете очень выгодно для себя и для всех заинтересованных лиц, под большие преференции поместить свой самый наиценнейший генетический материал, эту потенциальную природную возможность новой жизни.

Что и говорить, а куда как чаще, нежели это нужно для понимания каждым из нас неизбежности последнего пути, даются нам все эти напоминания об этом. Ну а столь ещё не менее редко встречающееся близкое соседство двух – начальной и конечной – ипостасей жизни, и вовсе намекает на их некую нерушимую связь между собой.

– Вот где я с точностью до гена смогу оценить себя! – Прочитав объявление и вспыхнув надеждой, студент решив не полагаться на судьбу, которая в самый неожиданный момент любит подвергать тебя сомнению, ставя препоны в виде остановки на полпути лифта, бросился к лестнице. Поднимаясь по ступенькам, он преодолел последние свои сомнения и вновь оказался у администраторской стойки, теперь уже ведущей в этот банк человеческого потенциала.

И хотя на этот раз на администраторском месте, в отличие от прежнего, не то что мало-симпатичного, а скорее похожего на уродо очкарика, сидела очень приятная, в таком же возрасте особа, она, в свою очередь, так же как и он вела себя, не сводя своего взгляда с монитора. И она на приветственное слово студента, только на одно мгновение, – лишь для того чтобы бросить мимолётный взгляд, – ослабила связь с этим притягивающим её внимание экраном монитора. После чего состыковав в голове некоторые взаимосвязанные нестыковки, не используя ничего кроме рук, достала из ящика стола брошюры и, положив их перед студентом, со словами: «Вот, ознакомьтесь», – отправила его для изучения этих предложений на находящиеся здесь в глубине офиса мягкие диваны.

И хотя такая приветственность администратора не приветствовалась, как её мнительным начальством, так и постоянным клиентом этого места сбора, для самого студента, имеющего некоторые предубеждения против такого подхода и своего участия в этом подходе в это вместилище человеческого потенциала, такая неосмотрительность администратора, в чьём взгляде он не желал видеть всякие потаённые, а, значит, скабрзные на счёт него мысли, была скорее даже желательна.

И студент в свою очередь, не стал задаваться лишними вопросами, и, ухватив брошюры, добрался до диванов. Где после быстрого осмотра этого пристанища присел, затем удобно расположившись на диване, слегка успокоился, и уже после небольшого настроения принялся изучать все эти великолепные предложения. Там, с одной стороны, очень красочно объясняли необходимость этого вложения, которое может дать последний шанс уже потерявшим всякую надежду людям, тогда как с другой, уже этим потерявшим надежду людям, с той же красочностью расписывали все те преимущества, из которых только и состояли все эти предложения – как обрести надежду и вместе с ней ещё кое-кого.

– Вы, я вижу, новичок в этом деле, – неожиданное заявление незнакомца, очень незаметно присевшего рядом на диване, сбilo студента с его мысли. В чём, в общем-то, не было ничего уж столь из ряда вон выходящего. Ведь когда ты очень увлечён чем-то, то твоя связь с

окружающим миром прерывается, и любое, даже весьма заметное появление кого-либо, зачастую проходит для тебя незаметным. Студент, между тем, как и все занятые и внезапно отвлечённые от своего дела люди, с видимым удивлением, под которым скрывалось недовольство, внимательно посмотрел на этого, посмеявшегося его отвлекать, однозначно бездельника. И уже после проведения идентификационных действий, которые должны были дать возможность студенту определиться, как себя вести с этим, однозначно сующим свой нос в чужие дела типом (чем он и заслужил для себя некоторые нелицеприятные соответствия), решил дать тому шанс на исправление. И хотя этот тип, сующий свой нос в чужие дела, своим длинным носом и соответствовал своему бестактному поведению, он, тем не менее, всем своим несколько странным видом, где наряду с его длинным носом, все его части тела имели такие же очень длинные, прилагательные пропорции, вызвал у студента некоторое расположение к себе и даже благоприятное впечатление.

– И что же вас навело на такую мысль? – Студент после небольшой паузы решил поупражняться в учтивости разговора.

– А разве это не очевидно?! – Тип с длинным носом своим намёкливым ответом вогнал в краску студента, только сейчас понявшего всю свою неосмотрительную оплошность.

– Да, не переживайте так. Я бы мог сказать, что вам ещё рано себя вести таким образом. Что, наверное, для всякой молодости обидно слышать. Тогда как каждый из нас, кому уже не рано, а зачастую и поздно, за это преимущество многое бы что отдал. – Тип с длинным носом и с такой же величиной своего возрастного пути, с горестным чувством вздохнул.

– Ну а нужда... Да-да, не спорьте, – незнакомец поспешил перебить студента, попытавшегося было оспорить это его утверждение, – именно нужда привела как вас, так и всех оказавшихся здесь людей. Но вы, наверное, поняли, что нужда всё же нужде рознь, и если для кого-то некоторая сумма будет в самый раз, то для других, как говорится, не в этом счастье. – Тип с длинным носом задумался, после чего неожиданно для студента пододвинувшись, обратился к нему с очень личным вопросом.

– Посмотрите на меня, – развернувшись всем своим телом к студенту, с долей горячности в голосе, своим словом побудил студента к своему желаемому действию этот странный тип. Что при таких заявленных незнакомцем словах, только в случае слепоты вопрошаемого (и то не факт), не может остаться без ответного действия. Так что, если даже студент в это мгновение и смотрел на этого носатого типа, то он всё равно бы после этих его требовательных слов, должен был на него заново взглянуть. И студент, придав своим глазам внимательности и сфокусировав взгляд, уже таким новым способом посмотрел на него.

– Вы, наверное, заметили, что я, имея некоторые особенности в своём внешнем физическом виде, тем самым в некоторой степени отличаюсь от обычного среднестатистического человека, – тип с длинным носом и с такими же габаритами своего тела, внимательно посмотрел на студента, пытаясь рассмотреть в его глазах понимание этого своего недостатка.

Студент, решив не спешить с ответом, тем не менее, сделал внешний, видимый для глаз незнакомца обзор его тела, чем дал понять тому, что он был услышан. И этот новый обзорный взгляд на незнакомца, выявил массу несоответствий с существующим на данный временной промежуток стандартом человека, которому при всём к нему уважении, не были доступны такие столь высокие количественные параметры, которыми обладал этот тип, как казалось при первом взгляде, с длинным, но если принимать во внимание его общую габаритность, то вполне соответствующим им и ему носом.

– Наверное вам, обычному человеку, будет сложно понять, что испытывает такой человек как я, чья, скажем так, определённая несхожесть налагает свой подтекст, как на моё отношение к миру, так и его ко мне, – тип с длинным носом вновь глубоко выдохнул, после чего посмотрел куда-то сквозь студента, который оказавшись под давлением этого вздоха, не слишком понимал, как себя вести дальше.

Это, наверное, стало доступно пониманию незнакомца, у которого, всего вероятнее, и внутренняя составляющая мысли имела не меньшую глубинную размерность, с которой можно было очень далеко заглянуть. И он, заметив у студента эту его приспособленность к внешним обстоятельствам жизни, решил прекратить эту неудобную для него паузу.

– И хотя здесь всем рулит полная анонимность, которая является первейшим правилом, которым руководствуется в своей работе это заведение, тем не менее, не мне вам говорить, что при должном подходе всегда можно найти уже свой анонимный подход, позволяющий приоткрыть некоторые завесы тайн над этой анонимностью. – Тип с длинным носом, наклонившись к студенту, к его удивлению (чему я обязан столь высокой чести?!), одновременно перешёл на откровенный и заговорщицкий тон.

Спрашиваете, зачем мне это нужно? – Незнакомец своими заявленными словами, в которых сквозил его провидческий дар, всё больше удивлял, ничего такого не спрашивающего студента. – Я, так сказать, хочу посмотреть на себя с другой стороны, где я буду не тем, кем есть, а одновременно тем же, но только обычным, – сделав слишком громкое ударение на последнем слове, незнакомец своей импульсивностью несколько испугал студента. – Я надеюсь, что природа примет во внимание моё самое обыкновенное желание и создаст своё генетическое чудо, в котором не будет ничего необычного, – проговорил носатый тип, вернувшись к своему обычному вздыхающему виду.

– Разве настолько плохо не подходить под общий стандарт? – Студент всё же собрался и спросил незнакомца, который вдруг изменился в лице и со злобой в голосе грозно ответил. – А я ничего другого и не ожидал услышать от обычного человека. И знаешь что, пока ты сам не окажешься в моей шкуре, то никогда не поймёшь, что это такое, – незнакомец, заметив недоумение студента, видимо, осознал своё не право осуждения и, состроив жалостную гримасу, с тоской в голосе добавил. – Наверное, я просто устал. – После чего он с трудом поднялся на ноги и, шоркая об пол подошвами огромных ног, не спеша направился к выходу из офиса.

– И как я его сразу не заметил? – Удивился студент, глядя на эту под потолок массивность.

Студент же пока незнакомец так шёл, собирался со своими мыслями, которые только называются так, во множественном числе, тогда как присутствующая обдуманность существовала лишь в единственном экземпляре и всё крутилась вокруг этого странного человека и всего им сказанного. И стоило только за этим типом захлопнуться двери, как студент вдруг сумел по-новому себя увидеть и здесь обнаружить. И это им увиденное, со своей стороны заставило его подняться на ноги и, бросив прощальный взгляд на лежащие на столе брошюры, обойдя взглядом и самим собой административную расположенность, уже самому оказаться за дверями этого офисного помещения.

– Что ты во мне, в самом что ни на есть обычном человеке, нашла такого необыкновенного? – Со слезами в глазах задался вопросом студент, уткнувшись в самое обыкновенное плечо, самой что ни на есть обыкновенной женской расположенности к нему, в виде самой обыкновенной женской красоты, которая смотрела на него глазами его сокурсницы по институту.

– Ты самый необыкновенный человек на свете! – Тихо дала поверить в себя сокурсница студенту, который спустя время, а вернее сказать, через всё тот же обычный срок, сопутствующий вложенным намерениям, встретил сокурсницу у родильного дома и, заглянув под одеяльце того маленького детского свертка в её руках, своими глазами увидел собственноручно созданное обыкновенное чудо. А ведь как всем известно, то только чудо может быть обыкновенным, тогда как необыкновенной – лишь только всякая обычность.

Ну, а в каком-нибудь в другом, правда, не совсем в другом, а на государственном уровне случае.

Где бездетная королева, своим затянувшимся бесплодием уже всех достала, и где у грозной мамыши короля уже нет больше сил и новых вариаций объяснительных ответов, для этих

столь любопытных послов царственных дворов Европы, которые так и жаждут влезть в чужую постель и выведать, кто, с кем и зачем, и где, в свою очередь, у уставшего от насилия над собой короля, уже нет даже сил что-либо доказывать и пробовать, то всё это вместе наводит на свои тяжкие мысли, требующие немедленных ответов.

И если король, предпочтя возлежаниям в кровати с его королевой, всё больше времени проводил в гулянках и посиделках со своими приближенными, и за кувшином вина может быть с этим и смирился бы, то государственные интересы и главное, потомственное древо королевской династии, которое жёстко и зловеще олицетворяла мамаша короля, явно не желало с этим мириться.

Так что королеве было над чем задуматься. Что лучше сделать? Каким-нибудь коварным способом отвлечь собою короля от его каждодневных забав и, сумев восстановить пылкость отношений, подтвердить своё право на повелевание, не только этим коронованным бурдюком, но и всеми и вся. Либо же ничего не делав, дожидаться пока эта мамаша короля, эта паучиха, сплетёт свои сети заговора, и найдя поддержку у иерархов церкви, а также у представителей других королевских дворов, имеющих множество принцесс на выданье и главное свои плотоядные планы на часть короны короля, возьмёт и расторгнув брак, выпнет её из королевства.

– Нет, уж! Не дождётесь! – вспомнив хищную улыбку мамыши короля, вскипела королева, непроизвольно ущипнув служанку, шнуровавшую её изящные туфельки, чем ввела ту в искушение притянуть шнурок до пределов сжатия сухожилий. Ну, а первую статс-даму, церемонно сообщившей королеве, что её ждут к столу, заставила сыграть в игры её разума, не предполагавших такого ответа от королевы и, теперь не знавшей, что же дальше делать. Ведь только королева, по своему царственному рангу несравнимо выше всех здесь находящихся в замке, и только сам король, сославшись на свою корону на голове и в крайних случаях на скипетр в руках, которым он в случае непослушания может и взгреть, имеет своё царственное право перечить королеве.

С другой же стороны, мать короля, под чьим пристальным присмотром находятся все ведущиеся во дворце местные интриги, которая при этом умеет очень больно щипаться, имеет куда большую в практическом, а не в представительном плане власть. Но статс-дама, на то и первая в этом роде дама, и поэтому она способна не только стойко выдерживать щепки матери короля, но и имеет внутреннюю настойчивость, как можно дольше оставаться первой статс-дамой. Для чего ей нужно внимательно слушать свой голос, интуитивно подсказывающей ей, что пока королева не родила, то она ещё не вошла в полноценное владение своим правом повелевать, то её и нечего слушать.

– Её высочество, Ваше величество настоятельно ждут и без вас не желают начинать завтрак. – Ещё раз вспомнив длинные ногти матери короля, на ходу придумав аргумент побуждения к действию, во всеуслышание заявила первая статс-дама.

– А разве для всякого верноподданного, не есть первейшая обязанность и величайшее благо, находиться в ожидании своей королевы. – После того как королева собралась с силами, чьё падение было вызвано этими коробящими её слух словами статс-дамы, где та осмелилась заявить, что её уже настоятельно ждут, она восплавав гневом, со стальными нотками в голосе поставила ту на место. – Надо срочно, что-то делать. – В голове королевы пронёсся этот призыв к действию. – Раз уже первая статс-дама начинает мне дерзить, то значит мои дела плохи. – Сквозь слой белил побледнела королева.

– Я думала... – сделав сильнейший поклон, попыталась оправдаться первая статс-дама, но ей не дали договорить, и сослаться на то, о чём она там думала, когда королева, восплавав желаниями, громко и вне очереди говорить, резко перебила её.

– С каких это пор, подданные столь много возомнили о себе и в присутствии царственных особ считают вправе думать. А? – грозный окрик королевы заставил зашататься первую статс-даму, чьё неуклюжее полусогнутое положение грозило ей рухнуть в ноги королевы. Что она

и проделала, после того как её каблучок на туфле, не привыкший к такому давлению на себя, а привыкший только к нежному к себе обхождению, как со стороны хозяйки, которая только могла извоить, вставая на плечо и тем самым подавляя всякую кавалерскую статность, так и стороны самих кавалеров, использовавших туфельку в виде подставки для фужера с шампанским, взял, подогнулся и вслед за собой уронил первую статс-даму.

На что королева, всегда относившаяся настороженно к первой статс-даме, считая её за наушницу, проводницу в жизнь желаний мамыши короля, увидев в этом жесте статс-дамы выражение её верноподданнических чувств, которых ей уже давно никто не выказывал, слегка оттаяла и погладив статс-даму по голове, простив её, сказала:

– Ну, полно-те убиваться. Извольте подняться на ноги.

В свою очередь первая статс-дама, не собираясь разубеждать королеву, поднимается на ноги и смиренно ждёт её указаний, которые не заставляют себя ждать, и королева оглашает своё желание, сообщить королеве-матери, что она уже идёт. После чего первая статс-дама, под волнующимся взглядом убежденной в её верности королевы, прихрамывая на свою без каблучную туфельку (– Вон какая верность, ради меня не пожалела подвернуть ногу, – на глаза королевы наворачиваются слёзы), направилась вон из покоев королевы, где у выхода из опочивальни королевы, в ожидании её уже стояли другие наушницы, совсем не первые, но жаждущие ими стать, другие статс-дамы.

– А они, пожалуй, всё слышали и непременно всё передадут матери короля. – Из под сладких улыбок не первых статс-дам выглядывают острые зубки достоверности этих убеждений первой статс-дамы, чья верность матери короля вдруг поколебалась и теперь поглядывала в сторону действующей королевы.

– Надо торопиться. – Решив за себя и не много за королеву, первая статс-дама быстрым шагом направилась в королевские апартаменты, служащие для обеденных церемоний, где как она и ожидала, с перекошенным в гнев лице, не стоя на месте, накаляла атмосферу мать короля.

– Ничего, теплее будет. – Сделав книксен, первая статс-дама в глубине своих мыслей уже пошла дальше и принялась вольнодумствовать. – Её величество, приказали доложить, что они скоро будут. – Из глубины своего присеста доложила первая статс-дама.

– Да как она смеет?! – ещё больше вскипела мать короля, ища глазами, чем бы можно запугать в первую статс-даму.

– Что я смею? – неожиданное появление королевы и её несвоевременный для матери короля и очень своевременный для головы статс-дамы прозвучавший вопрос, позволивший отбросить все предположения о плохом слухе королевы, заставил мать короля произвольно одёрнуться от неожиданности и, забыв всякие приличия, не проявив почтительность, не улыбнуться в ответ королеве.

– Так что же вы молчите? Или у вас от королевы есть тайны? – королева каждым своим замечательным словом выбивает крепость опоры из под ног матери короля. Которая спустя тяжкий вздох всё-таки пришла в себя и уклончиво, уже в своём книксене ответила ей:

– По моему ничтожному мнению, королева имеет полное право, всё сметь. Ну а если вам послышалось в моих словах обратное, то я позволю себе дополнить мою недосказанность. Я имела в виду лишь то, что королева лишь в одном случае не имеет право сметь, а именно сметь, не сметь.

– Что ж, вы как всегда в своём обычном наряде и репертуаре. И всё также пытаетесь замыслить всю простоту изречений, из которых, я всего лишь поняла одно, а именно вашу ничтожность потуг, что-либо объяснить мне. Ну что ж поделать, раз вы таковы. – Королева улыбнувшись, польщённой этим вниманием к себе первой статс-даме, с надменным видом прошла к столу, где и заняла подобающее её рангу и положению место.

– Ничего. Скоро узнаешь, кто из нас ничтожество. – Ядовито улыбаясь, с крутящимися мыслями недоброжелательства, снова перебила себе весь аппетит мать короля, которая своей, под своими чёрными одеждами худобой, вселяла страх и ужас в сердца подданных этого королевства. – А критику моего наряда ещё никто не переживал. – Приложившись к кубку с вином, сквозь его стекло многозначительно посмотрела на королеву мать короля.

– Переживу. – Прочитав мысли своей родственницы по мужу, королева со своей стороны подняв кубок, принялась упиваться своим, пока что царственным положением. – И что же всё-таки заставило её выбрать именно меня? – смягчившись под воздействием вина, посмотрев на мамашу короля, про себя задалась вопросом королева.

– И что же всё-таки заставило меня выбрать именно её? – с неприязнью посмотрев на королеву, попыталась вспомнить движения своей души мать короля.

А ведь королева уже не столь молода (аж под тридцать), не бела, не румяна и стройна, и уже не способна, не только повелевать самой собой и своей статностью, но и с пол своего юбочного оборота заводить этого, не слишком высокорослого главу династической фамилии (хотя, благодаря своей короне на голове, он, не смотря на свой маленький рост, был всех на голову выше), уже давно не желающего и переставшего заглядывать на её половину. Но спрашивается, почему так происходит, что самое первое после короля лицо, пребывает в такой для себя королевской недоступности.

– Презреть! – из глубины памяти до королевы доносится ответ её матери, другой королевы, другого королевства, когда она будучи всего лишь принцессой, спросила её. – Ваше величество, скажите, как нужно себя вести, чтобы в тебе увидели королеву? – И новая королева, впитав в себя этот матушкин завет, одновременно верно и не совсем правильно, восприняла этот её послыл.

И Королева, рассуждая очень здраво, пришла к единственному выводу, что скорей всего в применении этого «Презреть правила», надо отталкиваться от самой себя. И стоило только на её голове водрузиться королевской короне, то она, следуя этому своему должному предубеждению, тут же презрела всех и в том числе короля, который под её чрезмерно холодным взглядом, в одно её неусыпное мгновение презрел себя и все свои маломальские потуги на свою уверенность в себе, которая там же закончилась, где и началась, в этих подлых королевских колготах. После чего король, будучи публичным лицом и значит, не свободным от мнений толпы и слухов, не посмев отступить от существующих правил этикета, не стал покидать покои королевы, и заняв место с краешку её постели, таким завернутым в себя способом проспал эту первую и последнюю свою с ней брачную ночь.

Что же касается королевы, то она, следуя своему королевскому правилу, достигла самых больших высот и презрела всех, в том числе и свой родительский дом, который раз не сумел презреть и согласился на этот её брак с королём, то значит, находится в том более низком положении, когда его можно только презреть. Но видимо королева так увлеклась выполнением своих королевских обязанностей, что она, увлекшись одним, пренебрегла своей должной и главной обязанностью, способствовать появлению наследника. Что по началу привело к слухам, следом последовали недомолвки, ну а вскоре поползли и свои уверенности в том, что королева, презрев в себе женское начало, в результате этого стала не способна исполнять обязанности королевы.

– А ведь надо было презреть себя и свои нужды, и полностью отдаться служению короне. – Рассуждала королева, следуя по тёмным и очень узким лабиринтам подземелья. Чей проход, своим между стенным пространством, отделял по разные стороны очень неудобные, грязные и закрытые на крепкий засов, отдельные, предназначенные для отдельных людей помещения, в свете и при свете называемые темницами. Но королева, как особа требующая для себя большей уюта отношений (даже с такими тёмными предназначениями), не остановилась у первой встречной двери, и проследовав до самой широкой двери, где использовав в место своей уxo-

женной руки, прихваченный с собою скипетр, очень настойчиво постучала в эту дверь. После чего, а вернее будет сказать, после очень небольшой заминки тех, кто находился там за дверью (все знают, что королевские особы не любят ждать и, в общем-то, при своём появлении практически не используют стука. Что касается этой ситуации, то королева, не имея возможности сослаться на церемониймейстера, используя скипетр, взяла на себя эту роль), эта обитая железом дверь распаивается и к неожиданному удивлению всех внутри присутствующих, королева предстает пред их очами.

Впрочем, как бы то ни было, но к прибытию королевы всё было готово. Так те, кто уж больно сильно заблуждался на счёт себя и не желал идти на контакт, были подцеплены за ребра на крюки и развешены вдоль стен. Ну а тот, кто обладал даром провидения и так не заблуждался на счёт своих сил, не терпящих боли, то тот осмотрительно занял своё центральное место на дыбе. Ну, а заправлял всем здесь, в этом пыточном помещении, очень выдающаяся личность с мифическим именем Дедал. Которая уже одним своим, заставляющим вздрогнуть чувствительные сердца внешним видом, где отсутствие разного рода крайностей плоти лица, – ушей и носа, – придавало ему в этих стенах некое изящество, вызывая у попавших сюда людей смиренность и желание побыстрее отмучаться.

– Все уже заждались. А мы без вас разве можем начать. – Преклонив голову перед королевой, сказал Дедал. А когда в нём нуждаются царские особы, он всегда чувствует прилив сил и воодушевление, которое и проявляется у него через не свойственную ему шутовщину.

– Ну что ж, время не терпит. – Ответила королева и, сдвинув своим взглядом с прохода Дедала, приблизилась к этой полной внимательности, которую источал задетый за живое крюком и подвешенный на дыбе провидец.

– Слушай Мишель, если ты не хочешь настрадаться, то давай, живо говори, что мне делать? – подойдя вплотную к этому дыбозанимающему провидцу, придвинувшись к его уху, проговорила королева.

– Есть у меня для тебя один катрен. – Произнёс в ответ провидец, чем заставил разгневаться королеву. А всё потому, что она очень трепетно относилась к себе, и не терпела проявления любой фамильярности по отношению к себе, на которую по её мнению, посмел заикнуться этот смертник.

– Ах ты чучело бестолковое. – Забыв о правиле «ниже пояса не бить», королева используя скипетр, принялась раз за разом нарушать это правило бития.

– Да как ты смеешь, своим грязным ртом поганить моё имя! Которое в таком неподобающем для слуха укороченном виде, даже сам король не осмеливается произносить. – Приведя к бесчувствию провидца, королева упала без чувств на вовремя подставленный стул.

– Сейчас он придёт в себя. – Вылив ушат воды на провидца, Дедал с помощью чувствительной затрешины привёл в чувство Мишеля. Который придя в себя, с ужасом наслаждался видами окровавленного скипетра, всё также находящегося в руках королевы. И пока не пришло желание посмотреть вниз, на последствия её исступления (а оно было огромным и только веревка на шее не позволяла этого сделать), найдя в себе нужные слова, сумел убедить королеву в том, что она не так его поняла.

– Ладно. Давай, свой катрен. – Не выпуская из рук скипетр, королева смилостивилась к Мишелю.

– От судьбы не уйти никогда.

И ты, рожденный по знаком стрельца,

Как бы меток ты не был,

Ты промахнешься, и на том,

Ты попадёшь и попадёшься на одном. –Прочитав своё предсказание, Мишель замер в ожидании реакции королевы.

– Из всего того что ты мне тут наплёл, я поняла лишь одно, что его надо ловить на охоте. – Устремленный на Мишеля взгляд королевы, заставил его как-то умудриться и ещё раз облизать свой язык пересошим горлом.

– Ладно. Отпусти его. – Развернувшись к Дедалу, дала указание королева, после чего добавив: « Только не слишком далеко. Он нам ещё понадобится», – мерным шагом прошлась вдоль висячего на крюках несогласия с политикой её величества, где ещё разочек для острастки, кровавым скипетром приударила по наиболее выделяющимся чреслам и, вздохнув над тем, что у неё нет достаточного времени для того чтобы более детально побеседовать с этими отступниками, тем же путём каким и вошла, удалилась отсюда.

– Знаешь, каково моё мнение. – Проводив глазами королеву, обратился к Мишелю Дедал, к чьёму мнению, надо сказать честно, в этих стенах прислушивались. Так что он мог не беспокоясь, рассчитывать на должное внимание этого Мишеля.

– Хреновый из тебя провидец. – Слова Дедала с одной стороны, как ножом по сердцу прошлись по Мишелю, а с другой, нож с зубринами в руках Дедала, как серпом по яйцам прошёлся пока по груди Мишеля, что поставило в тупик всё того же Мишеля, не слишком понимающего, чему же отдать предпочтение.

– И ты даже в самом дальнем уголке своего прозрения, не сможешь увидеть то, что я зачастую вижу здесь через день. – Делал сплюнул остатки лука, которым он перебивал свой зловонный запах изо рта (всё ради королевы) и, решив, что не дело не использовать такой великолепный шанс проверить работу дыбы, принялся натягивать Мишеля в его писклявую струну.

Ну, а что король? А король на то он и король, чтобы тут же почувствовать желание заняться государственными делами и, уйдя в них с головой, в общем, и в частности, забыл о существовании королевы. Теперь король имел насущную государственную занятость, в которой первое место для него заняло питание и охота (что ж поделать, раз таковы обязанности всякого короля). Правда, надо заметить, что и в государственных делах не всё и всегда шло гладко, и часто не обходилось без своих затруднений.

Ну а когда всё это наскучивало и подданные начинали брюзжать, то король, будучи не столь глуп, а наоборот, будучи даже весьма очень находчивым королем, посмотрев на приунывших подданных, несколько уставших от предсказуемости и упорядоченности хода их жизни, сдвигал на бок корону, напускал на себя важной значительности, для чего ему пришлось вдохнуть в себя пару лишних порций воздуха, что при его общей занятости организма всегда переполненного желаниями и вином со всякой снедью, было героически трудно сделать (на что не пойдешь ради своих подданных), и с высоты своего положения, своим очередным заявлением вновь вселял надежду в сердца своих подданных. Которые, а то уже было начали задуматься над тем, а зачем им задумываться, раз их жизнь столь упорядочено одинаково движется. А ведь, наверное, в присутствии короля, даже очень не позволительно иметь в своих головах такую затруднительность, как мозги, да ещё к тому же и думающие.

– Отныне и во веки веков, вначале будет охота, а уж после неё пир! – огласил свой приговор всякому лесному зверю король, который учтя малую приспособленность своей королевской рати ко всякому виду стрелкового оружия после крепкого застолья, сделал этот весьма своевременный вывод. Что и говорить, а король должен своевременно (иначе они могут задуматься о замене короля) думать и заботиться о нуждах своих верноподданных, которые после крепкого застолья, хоть и обретали мужественность, но в виду того, что они вместе с ней также обретали неповоротливость тела и мысли, то такое положение больше способствовало увеличению продолжительности жизни диких животных (о домашних, в виду некоторых ошибочных заездов охотников на крестьянское подворье, лучше будет промолчать), нежели самих охотников, подвергающих большей опасности своих товарищей по охоте, чем эту не загнанную в тупик лесную дичь.

Сказано(тем более королем), сделано, и вот в один из светлых для природы и тёмных (после вчерашней подготовительной попойки) для сознания верноподданных короля дней, охотничий рог протрубил, что пора бы подняться с постели и, натянув на себя зелёные охотничьи колготы, присоединиться к охотничьей свите короля. И если королевской свитой двигала их обязанность перед своей головой, не желающей лететь с плеч вон, то король, имея на счёт себя несколько большего мнения, нежели его дворовая свита, мог и не спешить.

Да вот только буйный нрав его главного ловчего, который явно находясь в оппозиции к последнему указу короля, где тот ввёл такие кардинальные изменения в очередность распития горячительных напитков, естественно не смог стерпеть всякого промедления (главный ловчий обладал неоценимым качеством, необходимым для того чтобы занимать эту должность, а именно самой большой и луженой глоткой, позволявшей ему заглушать рёв охотничьего рога, а также крепче всех радоваться за короля, как всегда не оставшегося без охотничьих трофеев), грозившего ему пересыханием этих животворящих, сообщающихся с атмосферой труб.

– Ваше величество! – прогремел голос главного ловчего у входа в палатку короля. Чем вызвал переполох находящихся в покое мурашек короля, тут же бросившихся по его телу в рассыпную.

– Да-да. – Король всего лишь только подтвердил, что это он Ваше величество, но главный ловчий, используя своё тугодумие в своих личных целях, не стал вдаваться во все эти смыслозначения сказанного королем, и в один свой мощный оборот лишив своего устоявшегося места стражу, резко переместившуюся на оземь, ворвался в палатку короля, чем поставил того перед главным ловчим в одних колготах.

Но главного ловчего трудно смутить одними колготами (даже если они принадлежат королевской особе) и он, не заметив замешательства на лице короля, начинает очень громко побуждать короля к сборочным действиям. Ведь по его сугубо личному мнению, этот дикий зверь в лесу, совершенно не знаком с придворным этикетом и не обладает придворной учтивостью, в связи с чем от него можно всякой подлости ожидать, и он скорей всего, не будет ждать, когда король растележится. И зверь, действуя по своему звериному помыслу, возьмёт и каким-нибудь хитрым образом умыкнет. После такой убедительности сказанного главным ловчим, королю ничего другого не остаётся делать и он, смирившись с таким положением вещей, где зверь столь неучтив даже к королевской особе, с помощью главного ловчего быстро натягивает на себя охотничий жилет и, позволив зеркалу отдать должное его великолепию, направляется вслед за главным ловчим.

– Да здравствует, король! – дружный, но всё же несколько вялый хор голосов придворных встречает короля у выхода из палатки.

– Да здравствует, охота! – поприветствовал в ответ король, вызвав жалкие ответные улыбки своих подданных, которые только теперь постигли непреложную суть круговорота вещей, изменение порядка которого, как оказывается, приводит к своим весьма чувствительным и главное неприятным изменениям. И если раньше они, используя руководствующие их действиями, сопутствующие появлению храбрости напитки, с коей (храбростью) ничего не было страшно, то теперь на голодный желудок и главное на трезвую голову, им почему то, с одной стороны очень не терпелось приступить ко второй части охоты, пиру, а с другой, очень даже терпелось не лезть на рожон, под клыки кабана.

Король же в свою очередь получив доступ к своему носу, который с утра не имея внутренних испарений, теперь мог точно ощущать все запахи, вдруг к своему неудовольствию ощутил лишь источаемый его подданными запах унылости и не радости таким их, на сухую положением. Что, конечно же, побуждало короля к гневу, но всё же он, ощущая себя в некоторой степени в таком же неэнергичном положении, махнул на всё это рукой, что к его неожиданно-

сти для главного ловчего послужило сигналом к действию. И он, проорав: «Король открывает охоту!», – тем самым призвал охотников к шевелению.

И вот звучит гудок рога и все придворные уже готовы подставить своё плечо королю, чья поступь на плечо придворного позволяет ему без лишних замешательств оказаться в седле лошади, где его, как стрельца по знаку зодиака, уже ждёт свой королевский лук.

– Сегодня, нас ждёт удача. Я просто чувствую это. – Заорал главный ловчий. После чего принявшись к своей меховой накидке, главный ловчий своим несколько возбужденным видом заставил короля заподозриться на счёт него. И король, пропустив через свои ноздри дополнительную порцию воздуха, попытался прочувствовать этот момент, где к его нюхательному неудовольствию ему в нос ударили запахи конских отложений, к которым примешивалось столько всего, что король, решив не испытывать судьбу, которая через эту вонь склоняла его пойти прочь из седла, и он, покрепче ухватившись одной рукой за лук, а другой за стремя, приготовился отправиться во весь опор вскачь.

Что же касается главного ловчего, то подозрения короля на его счёт были не столь уж беспочвенны. И как только с утра он выполнил свою миссию по побуждению короля к действию, то по выходе из палатки короля, он не сразу присоединился к дружным голосам придворных, приветствующих короля. А он соблазненный увещеваниями неких третьих лиц (но как выяснилось позже, не последних, а даже вторых лиц королевства), поддавшись предательскому голосу своего ненасытного желудка, без тени сожаления оставил короля на произвол своих придворных, и в одно мгновение оказался у другой палатки, где готовился стол для встречи усталых охотников.

Что и говорить, а исходящий из этой палатки запах, не просто сводил с ума всякого не потерявшего обоняние, но и разил их наповал. Что естественно не могло быть спокойно воспринято главным ловчим, уже подготовившимся сразиться со стоящей на здешнем посту стражей, но к большому огорчению главного ловчего, местная стража не в пример страже у королевской палатки, была откормлена крепка, что сводило бы на нет его любые потуги на победу, если бы он вдруг решился прорваться к столу.

Но главного ловчего уже здесь ждали, и не успел он омрачиться всеми исходящими запахами, как незаметно для любого невнимательного взгляда, выглянувшая из-за широких плеч стражи женская фигура, поманила пальчиком главного ловчего, который заметив этот знак внимания, как в первую очередь рыцарь, для которого всякое желание дамы закон (надо признаться и со всей откровенностью заявить, что главный ловчий никогда не отказывал себе и самой обладательнице пальчика, в удовольствии ответить на этот её призыв) и он уже было приготовился сцепиться с хмурого вида стражником, как к его удивлению, тот видимо уколотый в спину всё тем же пальчиком, потерял всю свою хмурость и пропустил главного ловчего через себя.

Ну, а что произошло там, в глубине темноты палатки, то, не смотря на всю кипящую во мне страсть и желание поделиться всем там не увиденным, но очень живо представляемым мною, то я также как и главный ловчий, не чуждый рыцарской учтивости, имея такую же что и он претензию, закрую забрало и предоставлю своё слово уже вашей учтивости, которая со своей свойственностью, сможет в своих подробностях всё рассказать каждому внимающему ей интеллекту. В свою очередь главный ловчий, испытав всё то, что ему было суждено испытать, прикрыв под поясом наполненную средством взаимопонимания фляжку, с довольным видом быстро преодолел расстояние от этой палатки до короля, который было вдруг спохватившись, хотел спросить: «А где главный ловчий?», – как выглянувшая из-за его спины довольная рожа главного ловчего, тут же укорила его.

– Вперёд! А-ту, его! – неожиданно для всех, вдруг звучно заорал главный ловчий и, взбодраженные подданные, сам король, а ещё больше лошади, в одно это звучное мгновение спохватились и понеслись вскачь. И если кто спохватился верно, за стремя, то тот удержался в

седле, ну а те, кто спохватился за нечто другое, как например, за воображаемые тела своей мадам де Тужур, то их призывно ждала грязная оземь, куда они, не удержавшись в седле, были в одно мгновение и отправлены прочь.

На что король, конечно же хотел выразить своё возмущение, но резвость его перепуганного коня, не то что не позволяла ему как-то там говорить, а она вообще, к полному недоумению или вернее сказать, к полнейшей осадочности в седле короля, лишила его полной самостоятельности принятия решений, отчего он от страха не мог вымолвить и слова (в общем, заставила почувствовать себя обычным, в подчиненном положении, просто ездовым человеком).

А всё этот безумный главный ловчий, который в своих поступках совершенно не знал удержу, что естественно уже не способствовало удержу несущихся во весь опор коней, как короля, так и уже начавших отставать от него, как оказывается, не таких уж и верноподданных. Что, наверное, всё же имеет своё естественное объяснение. Ведь лучшие лошади находятся под седлом короля и его главного ловчего, а значит, место подданных всегда позади них, но с другой стороны, когда дело касается королевских особ, то в этом случае логика существования простых вещей, разбивается о свою логичность носителя королевской крови, считающего, что подданный, только в том случае будет считаться верноподданным, если он сумеет вывернуться так, что одновременно всегда будет находиться позади короля, и в тоже самое время своей грудью встречая опасность, оберегать его стоя впереди. Так что в данном случае, только главный ловчий мог соответствовать этому высокому званию верноподданного, правда слишком ретивого и внушающего опаску, верноподданного.

– Врёшь, не уйдёшь! – продолжал орать и безумствовать главный ловчий, вынуждая короля, раз за разом, в страхе проглатывать наслоение слюней, время от времени грозивших перелиться через свои естественные препоны губы.

– Кто, кого, ко? – подпрыгивая на седле, король не понимая, кто там при такой их скорости сможет уйти, попытался согласовать со своей тряской своё мыслевыражение, вылившееся в такое, в зуб ногой отскакивание.

– Готовь лук и стрелы, сейчас мы эту собаку поймаем! – последовавший угрожающий крик главного ловчего, ещё больше смутил короля, совершенно не собиравшегося охотиться на каких либо и даже породистых собак. – Не пристало королю питаться собачатиной и в случае крайней нужды, голода, и то он только до голубей и пирожных опустится, – в короле разыгралась его королевская гордость и кровь. Но безумный вид главного ловчего определенно внушал беспокойство, и король, дабы не будить лихо, пока оно тихо, ухватился за лук и стрелы, и приготовился, если что, пустить стрелу в спину этому опасному ловчему.

– Вон, она! – вновь заорал ловчий, рукой указывая куда-то в чашу леса, в которой королю кроме чащи, так ничего и не увиделось.

– Да чего ты ждёшь! – обдал короля своей яростью ловчий. – Да стреляй же, ты, скотина! – звоном языка колокола оглушила короля эта бестактность главного ловчего, и король задрожав, сквозь пелену наступившего умственного затмения, отпустил натянутую тетиву. После чего, то что последнее он увидел, так это было ошарашенное выражение лица главного ловчего, уж точно не ожидавшего ничего такого из произошедшего, а именно точного попадания стрелы короля, так и того, что местом цели была выбрана его задняя тыловая часть.

– Что? Как? Где я? – очнувшись лёжа на мягкой постели из сена, приподнявшись на локти, смутно понимая или вернее совсем не понимая, где он находится и что происходит, заметив там, вдали, не слишком отчетливо видную фигуру, слившуюся со светом, исходящим со стороны всё той же фигуры, с трепетом в голосе, полный жалости к себе попытался спросить и не расстроить эту незнакомую фигуру король. Но фигура не спешила отвечать на все эти мольбы короля, чем ещё больше разволновала и встревожила его.

– Может она (А почему она, а не он, ну во-первых, так будет верней лингвистически, а во-вторых, было бы желательней, чтобы это была она – в случае опасности подмышку короля работает всю королевскую голову) не знает, что я король и поэтому не спешит выразить своё почтение. – Попытался утешить себя уже взмокший от страха король.

– Вы меня слышите? А ? – не слишком громко, чтобы не расстроить эту фигуру и не слишком тихо, чтобы всё же быть услышанным, проговорил король, и к своему неповоротливому состоянию и ужасу заметил, что фигура, чья чёткость, так и оставалась вне фокусировки расстроенных всеми этими событиями его глаз, вдруг повернулась в его сторону, и после паузы, которая скорей всего была потрачена для того чтобы более внимательно рассмотреть это ничтожество, которым сейчас себя видел и причислял король, начала потихоньку приближаться к нему.

– Мама. – Вскрикнул про себя король и, не выдержав вида приближающейся действительности, крепко сжал свои веки. Но к его удивлению, затаённости и страстному желанию, острый меч не вонзился в его столь чувствительное к внешним воззваниям и влияниям, ещё не готовое к смерти тело. А вместо этого до его уха донеслось тихое пожелание:

– Вот ты и попал.

После чего неизвестная фигура, чей голос был достаточно сильно знаком королю, видимо решив, что король благодаря своему занимаемому высокому положению, достоин большего, вместо быстрой смерти выявила желание предложить ему альтернативу, а именно долгую мучительную борьбу, правда, почему-то только за чужую жизнь.

На что король, несмотря на его зависимое от себя (одновременно величества и ничтожества) и своего положения (на сеновале) положение, проявил политическую ловкость, и сообразно своему высокому статусу, попытался оказать сопротивление, которое заключалось во всём том же состоянии его полной отрешенности от происходящего. Где он, придерживая свои глаза закрытыми, попытался таким известным издревле способом противостоять неизбежности, где он вроде был как бы не при чём и в тоже время совсем не не при чём (таковы уж все и во все времена политики).

Что, надо признать честно, принесло свои плоды, и король можно сказать, не потеряв ничего существенного, кроме разве что его именной жемчужной серьги из уха, как он потом обнаружил, похлопав себя по всем местам и в том числе по ушам (ну, а честь, так эта субстанция неопределимая и не имеющая своё свободное хождение среди королевских особ). Что, конечно же, слегка огорчило короля, не привыкшего ни с кем и ничем чем-то делиться, но потом он, уразумев, что голова осталась на месте, решив, что лучше потерять часть, чем всё основное, тут же и успокоился.

Что же касается самого этого противостояния, вылившегося в некое подобие борьбы, то о ней можно судить, либо, исходя из её качественных характеристик, с её ожесточением, которого было мало заметно, либо по количественным характеристикам, где по длительности противостояния можно было определить степень вовлеченности, возможности и заинтересованности противника в победе. И уже исходя из этого, сделать соответствующие выводы и определить победителя. Ну, а сколько продолжалась эта борьба за почему-то называемую чужой, другую жизнь (хотя знающие люди, не долгая думая и, не вдаваясь в расчёты, могут с предельной точностью озвучить пределы этих внимательных минут), то это для будущего не столь важно, а важно лишь то, что спустя своё положенное время, наследник проявил свою королевскую вежливость (которая она у него в крови) и ровно в срок озвучил себя через крик и объявился на свет.

Что поначалу привело короля, почувствовавшего шаткость своего трона, в крайне волнительное положение, заставив с подозрительностью посмотреть на довольную королеву. После чего король, явно науськанный мамашей, уже было хотел позвать палача, как выпавшая из одеяльца наследника, пропавшая у него в виде жемчужины серёжка, своим звоном об пол звонко

отдалась в сердце короля. Ну, а после этого происшествия, королева, обдав ледяным взглядом стоящего перед нею на коленях короля, уже с полным своим, подтвержденным наследником правом, могла всех презреть.

– И хотя все указанные примеры относятся к разным временам и эпохам, всё-таки главная суть была уловлена при всех этих различиях в подходах. Так в первом случае появление новой жизни способствовало укреплению брака, во втором позволило понять, что такое ответственность, ну а в третьем, оно повлияло на ход дальнейшего развития целого королевства. И из всего этого, с должным пониманием вырисовывается первостепенное значение явления в мир того или иного поколения, чья необходимость появления на этом не заканчивается, а наоборот, только начинает набирать свой требовательный оборот, – глубоко вздохнул Алекс, вслед за прочитанным, исписанным мелким почерком листком бумаги, который, надо заметить, всегда вздыхает, когда его перегибают по линии сгиба, служащей для того чтобы, либо же перейти от этой прочитанности к новой, ещё пока что ожидающей своей участи слов, либо же, согнувшись в три погибели, отправиться в карман пиджака или брюк до следующего поветрия в голове этого никуда не спешащего читателя.

Сам Алекс не последовал ни одному из предложенных вариантов действий и, перевернув этот всего лишь памятный лист бумаги, повествовавший о своей размазанной буквами жизни, не стал вчитываться в эту свою виртуальную память, в которой ещё столько места занимал рассказ того фантаста, чья скупость высказываний была разбавлена его нескупостью – в чёткие ряды выложенных на этих нескольких страницах листов бумаги слова. Что ж поделывать, раз таковы в большинстве своём все писатели, косноязычные в гостях при разговоре и красноречивые дома на бумаге.

– Что же касается меня, – после того как Алекс уселся на свободное место в автобусе (Алиса, сославшись на что-то своё важное, сказала, что его вскоре нагонит), фантаст продолжил свой памятный рассказ в голове Алекса, – то я не могу похвастаться столь дальновидными предположениями на счёт своей значимости появления. Но это и не столь важно, когда перед нами стоит более важная задача: понять главную необходимость именно нашего появления в тот или в иной период времени.

Фантаст сделал паузу, чтобы своим временным, через пущенную вход и в зубы сигарету задымлением, убедив прослезиться, а, может, даже и достигнув большего – кашля слушателя, тем самым заставить его пробраться мыслью до глубины своих пока что только лёгких.

– Что же касается меня, – вновь повторился фантаст, – то я назвал бы себя плотью от плоти или, используя технические термины, одним из элементов в общем ряду выпуска 19** года, который, используя терминологию, применимую в данных случаях, будет называться не партией, а, как принято среди людей, поколением 19** года. Правда, надо заметить, что со временем вся эта терминологическая детализированность поистерлась, и грани различий между этими, столь разными одушевлёнными и неодушевлёнными продуктами перестали ощущаться. Ведь взятый на вооружение новый принцип взаимоотношения с миром, где определяющим мир стала приставка «Нео», изменил весь характер взаимоотношений между этими различиями (по наличию одного элемента души).

Так, к изначальному примеру, слово партия из своей товарной неодушевленности, давно уже перешло в значение Нео-одушевлённого элемента жизни, вобравшего в себя столько много, что иные разговоры, ведущиеся в разрез с курсом партии, могут привести тебя к тому, что ты перестанешь быть одушевленным, а станешь Неодушевлённым элементом жизни. А вот значение слова поколение, наоборот, всё чаще употребляется в значении неодушевлённого товара, который всё больше стал одушевляться, тогда как человек употребляется и овецеваться.

Эта же приставка «Нео», впитав в себя все передовые помыслы и желания потребителя, окультивировала его, и стала путеводной звездой для него в этом мире потребления, которым

теперь он и сам стал. Так в мире образовался свой новый культ молодости, где теперь правил и заправлял всем страх перед тем как бы не показаться устаревшим, что, в свою очередь ускорило сроки устаревания продукта до максимального, и теперь зависевшего лишь от зевания потребителя и не зевания поставщика самого продукта потребления.

Хотя, возможно, всё дело обстояло с точностью наоборот, и производитель как раз не давал возможности раздумать и зевнуть потребителю, который оказывался перед свершившимся фактом, и новое поколение продукта, вышедшего на рынок, уже с укором смотрело на его, уже однозначно устаревший гаджет, с которым ходит только самая последняя модель (теперь все девушки признанного за стандарт красоты вида, носят свою именную Неодушевлённость). Ну а если ты не хочешь быть самой последней моделью, то тогда просто обязана иметь и фотографировать в зеркало своё надутое одиночество (теперь вам понятно, почему у них губы надуты, они надувшись таким искусственным образом, выражают свои природные эмоции) только через глазок этой последней модели поколения Нео.

Но всё-таки все эти Нео-последствия, именно и есть следствия, а не причина. И, как я считаю, то эту проблему, как и эту свою дефектность моего поколения выпуска, надо искать в предыдущем времени, где, возможно, и скрыто всё то, что повлекло наш экстренный отзыв отсюда, из жизни. Но ввиду невозможности установления истины путём одного лишь анализа, то, я думаю, что если будет возможно применить этот мой аналитический подход к любому времени, то можно будет хотя бы частично приблизиться к пониманию общих принципов, на каких строится вся эта круговерть поколений.

А ведь если более пристально, прямо цепляясь за каждое слово, которое есть часто прямое и ещё чаще не прямое отражение сущего – вещи или предмета, то можно многое для себя уяснить. А между тем, всё и так лежит на виду. И если посмотреть на мир с обобщающей точки зрения, то, пожалуй, можно сделать вывод о том, что мир по своей общей сути, делится на две общности, разделённые по наличию или не наличию определяющей их сущности – души. Ну а дальше не сложно составить классификационную модель мира, и всё то, что не обладает этой внутренней отличительностью, душой, тем самым записывается в «что», в вещи. Тогда как те, имеющие при себе эту одухотворённость, имеют право отвечать на вопрос «кто?» и определяются за живое. Естественно, не все организмы находятся на одном высоком уровне развития и они, исходя из их душевности, а также наличия разума, образуют свои подклассы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.